

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 51

1985

Виктор МУРАТОВ

**ПРОДОЛЖЕНИЕ
ПОДВИГА**

МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ПРАВДА»

Виктор МУРАТОВ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОДВИГА

Документальные повести

Москва, Издательство «ПРАВДА»
1985 г.

Виктор МУРАТОВ

Виктор Владимирович Муратов родился в 1932 году в Ростове-на-Дону. Во время Великой Отечественной войны двенадцатилетним мальчишкой убежал на фронт, был воспитанником воинской части.

После войны окончил ремесленное училище, работал токарем на заводе Ростсельмаш, в 1952 году снова надел погоны. Был на командной, комсомольской работе, военным корреспондентом. В 1961 году окончил Литературный институт им. А. М. Горького.

Виктор Муратов — полковник запаса, член Союза писателей СССР, автор повестей «Румия», «Светлячок», «Ты люби...», «Мы убежали на фронт», романов «И придут сыновья», «Перевал», сборника повестей и рассказов «Дочь милосердия», военно-исторической книги «В боях за Кавказ». По сценарию Виктора Муратова поставлен художественный фильм «Венок сонетов», который на X Всесоюзном кинофестивале был удостоен Главной премии.

КАТЯ

Самолет приземлился на аэродроме Гумрак. Спускаясь по трапу, Екатерина Алексеевна Петлюк почувствовала, что ноги ее неуверенно нащупывают крутые ступеньки. Справиться бы с волнением...

От Гумрака до площади Павших борцов путь далекий, есть время успокоиться, как-то подготовить себя к встрече с однополчанами.

Екатерина Алексеевна достала телеграмму, еще раз прочитала: «Волгоградский обком партии Облисполком приглашает вас открытие памятника ансамбля героям сталинградской битвы тчк Прибытие Волгоград 14 октября Кулеченко Бородин».

...К гостинице «Интурист» одна за другой подъезжают легковые автомобили, из них выходят ветераны: известные всей стране военачальники, офицеры, солдаты.

— Малютка! Ты ли?

Екатерина Алексеевна оглянулась на знакомый женский голос.

— Валя!

К ней спешила подполковник медицинской службы Валентина Петровна Пугачева. Женщины обнялись.

— А я со вчерашнего дня в Волгограде. Жду тебя! Народу понаехало! Ты письмо мое получила?

— Да, спасибо,— ответила Екатерина Алексеевна и озабоченно спросила: — Ты случайно не видела моего комбрига?

— Кого ты имеешь в виду?

— Якубовского Ивана Игнатьевича.

— Здесь он. С группой военных в обком уехал. Кстати, его комната на одном этаже с тобой.

Екатерина Алексеевна поднялась на четвертый этаж, поставила в номере чемодан, вышла в холл.

«Может, и не узнает,— подумала Петлюк,— столько лет прошло. Тогда Якубовский был подполковником, командиром бригады, а теперь Маршал Советского Союза, заместитель министра обороны. Да и кто я такая, чтобы меня помнить!»

Петлюк подошла к лестнице и отступила назад. По ступенькам поднималась группа военных. Впереди — маршал Якубовский. Их

взгляды встретились. Маршал остановился, пристально взгляделся в лицо Петлюк.

— Здравствуйте, — наконец проговорил он и протянул руку.

— Здравствуйте, Иван Игнатьевич! — Ее маленькая ладошка утонула в огромной ладони.

— Командир танка? — не совсем уверенно спросил он.

— В 91-й танковой была механиком-водителем, позже после окончания училища стала командиром.

— Благодарю, Малютка! Думала ли, что двадцать пять лет спустя снова встретимся на этой площади?

Они беседовали в холле гостиницы «Интурист», которая выстроена на площади Павших борцов рядом с универмагом. Тем самым универмагом, в подвале которого 31 января 1943 года был взят в плен фельдмаршал Паулюс. Тогда на искореженной снарядами мостовой вместе с другими танками стоял и ее — Т-60 с необычной надписью на башне — «Малютка».

Она мечтала стать летчицей. Вообще-то в 1938 году, наверное, все девчата мечтали летать, как Гризодубова, Раскова, Осипенко.

Однажды завуч школы Иван Карпович Юдин показал ей газету «Черноморская коммуна».

— Знаю, что не оставила мечту об авиации. Вот, читай.

Из газеты Катя узнала, что при Одесском обкоме комсомола работает комиссия по отбору курсантов в Батайскую школу пилотов гражданской авиации.

И вот Одесса. Председатель приемной комиссии — товарищ из Москвы, Шадрина. То, что председатель — женщина, как-то приободрило. Да и фамилия показалась знакомой. Вспомнился фильм «Человек с ружьем». Может быть, это сестренка того Шадрина, который у Ленина о кипяточке спрашивал?

Шадрина внимательно просматривала документы, потом подняла глаза от бумаги, еле скрывая улыбку, сказала:

— Все вроде хорошо, да вот рост твой не внушает доверия, пассажиры, чего доброго, побоятся лететь с таким пилотом.

— Я буду отлично управлять самолетом, — поспешила заверить Петлюк.

— Ну что ж, попробуем, вот направление на медицинскую комиссию.

Все кабинеты врачей госпиталя 411 на Пироговской улице пройдены. Пожилой лысоватый председатель медкомиссии внимательно изучил заключения врачей.

— Екатерина Петлюк? Здоровье завидное, но... рост. Сто пятьдесят один сантиметр. В школу пилотов не подходите. — И добродушно добавил: — Ты, крошка, подрасти немножко.

Потом Катя плакала в кабинете Шадриной. Умоляла принять, обещала за годы учебы в школе пилотов подрасти. Хотя, конечно, и сама в это мало верила. Катя вспомнила, как лет десять тому назад кто-то из знакомых ее родителей выразил сомнение в том, что ее примут в первый класс: уж очень маленькая ростом, из-за парты не будет видно. И посоветовал побольше есть морковки. Желание подрасти у Кати было огромно. Подслушав этот разговор, она в тот же день забралась в огород. Сколько тогда съела моркови, не сосчитать. Казалось, уже некуда, но Катя пересиливала себя: «Вот еще одну съем и подрасту, вот еще одну и подрасту». С тех пор на морковь смотреть не могла. Только страшный голод тридцать третьего года немного примирил ее с этим сочным оранжевым корешком.

Шадрина и рада была помочь, но это было не в ее власти. Возвращая Кате документы, она все же посоветовала попробовать поступить в аэроклуб.

Катя вышла за ворота обкома комсомола. Одесские улицы благоухали запахом белых акаций. Но ничто не радовало Катю. Чужой и словно придавленной чувствовала она себя среди веселых и темпераментных одесситов. Катя вошла в скверик, сняла туфли на высоких каблуках, которые перед поездкой на время выпросила у подруги (надеялась, что высокий каблук поможет), спрятала их в портфель, надела привычные парусиновые тапочки.

Она долго стояла на трамвайной остановке, не зная, что же делать дальше. В душе было только одно — обида. Но на кого обижаться? На врачей? У них, видимо, есть такая инструкция, которая запрещает быть летчиками людям высотой в полтора метра. На себя? Разве виновата, что не дотянула до «проходного» роста? Все то людские врачи — чудо-оранжевые корешки не помогли.

Подошел трамвай «Вокзал — Аркадия». Толпа «внесла» Катю в вагон. Стиснутая горячими телами, она и доехала до Аркадии.

Широкая аллея спускается вниз. По сторонам — ровно подстриженные кроны деревьев. Катя слышит шум, похожий на дождь в лесу. Аллея вдруг куда-то проваливается, и стена, голубоватая, прозрачная, уходит в небо и сливается с ним у самого солнца. А от солнца на Катю бежит по голубой стене золотая дорожка.

— Море! — Она остановилась, пораженная.

Казалось, что вся эта водяная громадина сейчас обрушится на нее вместе с солнцем.

Катя спустилась на берег, разделась и, переборов робость, вошла в воду. Море ровно дышало, то приподнимая ее, то опуская на песчаное дно. Все было непривычно: впереди не видно берега, а на дне через совершенно прозрачную воду видны водоросли. Они шевелились, будто пытались поймать Катю за ноги.

Катя поспешно вышла из воды, достала из портфеля полотенце, обтерлась. Стало тепло. Она смотрела на море, и оно уже не было

страшным. Соленая вода смысла недавнюю обиду неизвестно на кого, взбодрила, у Кати снова появилось желание действовать.

Ехать обратно в Крыжополь? Ребята засмеют: летчица-перелетчица. Да и отец как посмотрит... А может, действительно попытаться поступить в аэроклуб?..

Гудит заводской гудок. Катина смена окончена. Уже через полчаса она на летном поле: учится летать и прыгать с парашютом. Время летит быстро, и вот уже в Одесском аэроклубе Кате Петлюк присваивают звание пилота и инструктора парашютного спорта. В местной газете появилась фотография: на фоне самолета две улыбающиеся девушки, две Кати — Петлюк и Гусарева. И подпись под клише: «Отличницы-курсантки комсомолки Одесского аэроклуба Осоавиахима без отрыва от производства овладели летным делом».

Но Кате Петлюк этого мало. Она учится в кружках ПВО, ПВХО, заканчивает курсы медицинских сестер при заводе имени Октябрьской Революции, учится стрелять из винтовки, метать гранаты.

— И чего ты мечешься? — упрекнула подруга. — Если хочешь чего-то добиться, бей в одну точку.

— Я очень боюсь.

— Чего ты боишься?

— Войны боюсь. Нападут фашисты, а я без военной профессии.

И Катя училась военному делу. И дерзко испытывала себя, дерзко доказывала другим, что не «крошка» она, что сильная.

Очень тянуло домой. Теперь и отцу показаться не стыдно.

Семья потомственного железнодорожника Алексея Захаровича Петлюка к тому времени жила в Рыбнице. Тут, в небольшом молдавском городке на Днестре, не было аэроклуба, и вскоре Катя уезжает в Кировоград. В тот предвоенный год на железной дороге не хватало помощников машинистов, кочегаров. Катя Петлюк решила попробовать «мужскую» профессию. Вначале скептики удивлялись, потом восхищались отличной работой маленького кочегара.

Война!

Не могли устоять в военкомате перед натиском этой ершистой девчонки. Уже 24 июня Екатерина Петлюк получила направление в действующую армию на должность техника-укладчика парашютов.

Горькие километры отступления. На станции Балта Катя впервые попала под бомбежку. Фашистские самолеты с воем пикировали на эшелоны. Все горело. В первый момент ей захотелось сжаться в комок и забиться в какую-нибудь щель. Неужели для нее, такой маленькой, не найдется безопасного местечка в этом аде кромешном? Потом ее охватил ужас, когда увидела выползающих раненых из горящих вагонов санитарного поезда. Преодолев страх, Катя бросилась помогать санитарам.

И снова состав медленно уползает на восток. То и дело уступая дорогу встречным эшелонам. «Они торопятся на фронт, а я еду

в тыл», — с досадой думала Катя. Сердце сжимала тревога за родных — Молдавию захватил враг. В Рыбнице остались мать, отец, сестренка. Неужели не успели эвакуироваться?

Часть откатилась к Дону. Там, в относительном тылу, Катя Петлюк укладывала парашюты. Но не для себя, для тех, кто с этими парашютами поведет самолеты и будет драться с фашистами.

Однажды ее вызвали в штаб. В кабинете командира сидел майор с двумя орденами Красного Знамени на коверкотовой гимнастерке. Он цепким взглядом из-под лохматых белесых бровей окинул маленькую фигурку бойца и, кажется, остался доволен. Затем с заметным прибалтийским акцентом стал расспрашивать о ее довоенной жизни. И после каждого ответа повторял: «Это хорошо». Потом он спросил, хорошо ли она знает Кировоград и его окрестности. Еще бы! Катя отлично знает Кировоград. С самостоятельным театром клуба железнодорожников исколесила всю область. Ведь она играла Хрестину в пьесе Александра Корнейчука «Платон Кречет».

Чем больше воодушевлялась Катя, тем больше хмурилось лицо майора. К своему удивлению, Катя почувствовала, что майор уже слушает ее без прежнего внимания.

— Хорошо, идите, продолжайте службу, — сказал майор.

Гораздо позже Катя узнает, что в тот день этот самый майор отбирал кандидатуры для подпольной работы в оккупированной Кировоградской области. А Катю Петлюк — комсомольскую активистку многие там знали в лицо...

Часть, где служит Катя Петлюк, снова грузится в эшелоны — путь дальше, на восток. Теперь уже в Сталинград. Он запомнился Кате пригородами с небольшими рабочими поселками, утопавшими в цветущих майских садах, чем-то удивительно схожих с окраинами Кировограда.

Неожиданно в часть прибыли «покупатели», которые отбирали добровольцев в школу танкистов.

Петлюк первая прибежала в комиссию, но командир батальона вначале даже не хотел принимать ее рапорт.

— Мы посылаем в танковую школу только мужчин, к тому же бывших шоферов и трактористов.

— Я управляла самолетом. Вот справка аэроклуба. С танком справлюсь!

В комнату вошел батальонный комиссар Харченко. На его гимнастерке блеснул орден Красного Знамени. «Наверное, за Испанию», — подумала Катя, неотрывно глядя на орден.

— А почему вы хотите воевать именно на танке? — спросил Харченко.

— На танке быстрее немцев с Украины прогоним, — ответила Катя и сама почувствовала какую-то детскую наивность в словах.

— Приветствую патриотов танковых войск, — улыбаясь, прогово-

рил Харченко и уже серьезно продолжил: — Танкист — специальность чисто мужская, тяжелая работа. А вы...

— А кочегар на паровозе легкая работа? — вспыхнула Катя. — Вы попробуйте лопатой пошуровать уголек в топке. Простите.

— Пробовал, товарищ Петлюк, — опять улыбнулся Харченко. — Пробовал. А кем же вы хотите быть: механиком-водителем или командиром танка?

— Командир должен быть опытным танкистом, ведь он командир, а я, честно говоря, танк «живьем» не видела, — призналась Катя. — Только в кино. Механиком-водителем я больше пользы принесу.

Командиры переглянулись.

— Что ж, резонно, — проговорил Харченко. — Мы подумаем.

Уже на следующий день Катя Петлюк была зачислена в полковую танковую школу, в выпускную роту. Все курсанты в этой роте до войны были трактористами или шоферами.

Катя не догадывалась, что зачислили ее в такую сильную роту с определенным умыслом. Лишь спустя тридцать два года после войны бывший зампотех школы И. Х. Гуткин признается в письме: «В памяти моей невольно встал 1942 год, поселок Красноармейск под Сталинградом. В ту пору мне, молодому воентехнику, довелось готовить экипажи для поступающих на фронт танков. И вот как-то на занятии прибыл очередной взвод, в числе курсантов которого, к моему великому удивлению, находились Вы — небольшая, очень юная девочка. Несмотря на то, что вокруг бушевало пламя небывало жестокой войны, девушка-танкист была явлением выдающимся. И, наверное, поэтому я был к Вам особенно придиричив, ибо никак не мог представить Вас в качестве механика-водителя грозной боевой машины. При контрольных вопросах и на зачетах я умышленно задавал Вам самые сложные вопросы... И сверх ожиданий Вы всегда отвечали правильно, четко».

Подъем в 6.00, а курсант Петлюк давно на ногах. После отбоя все спят, а Катя штурмует инструкции и наставления. Она и сама потом будет долго удивляться, откуда силы брались.

За две недели до выпуска вызывает ее батальонный комиссар.

— У вас, товарищ Петлюк, очень хорошо пропагандистская работа получается: и политинформацию доходчиво проводите и к людям подход знаете. Есть намерение послать вас на курсы младших политруков.

— В принципе я не против, — ответила она, — только сейчас никак нельзя: две недели до экзаменов осталось. Вот окончу школу, тогда другое дело. Смогу за рычагами танка личным примером бойцов агитировать. Иначе какой же я политрук.

Веский довод.

— Кстати, — сказал Харченко, — сегодня вождение. Посмотрим, как вы... за рычагами.

Все командиры школы прибыли на танкодром посмотреть, как эта настырная девчонка первый раз в жизни танк поведет.

К исходным позициям выпускная рота шла строем. В первой шеренге направляющей шагала Екатерина Петлюк. И опять комиссар не смог скрыть улыбки. А у командира роты строго спросил:

— Почему это в роте ранжир нарушается? Курсант Петлюк должна идти замыкающей. Вы посмотрите, соседу по шеренге едва головой до груди достает.

— Не получается по ранжиру, — ответил ротный, — шаг у Петлюк очень маленький. Подстраиваться приходится, иначе она за строем бежать будет.

Инструктор по вождению, усатый молчаливый сержант угрюмо оглядел фигурку выпускника. Ничего не сказал, только хмыкнул в усы и безнадежно махнул рукой — мол, давай, что же делать.

Еще тренируясь на тренажере, Катя поняла, что управлять машиной она может. Годы учебы в аэроклубе не пропали даром. Конечно, рычаги танка не штурвал самолета, но практика полетов развила в ней чувство хозяина над машиной, уверенность в действиях.

Угрюмый инструктор будто нарочно подавал ей команды одна другой сложнее и, удивляясь уверенным действиям курсанта, все усложнял задания. А после прохождения трассы вылез из танка, снял шлем, вытер рукавом комбинезона мокрый лоб и хмуро проговорил:

— Зачем обманываешь, что первый раз за рычаги села? Стыдно старших обманывать. — И едва заметно улыбнулся в усы. — Отлично.

А вечером ее вызвал командир батальона.

— Молодец, товарищ Петлюк. Видел. Сам видел. А скажи, почему голодовку устроила? Второй день суп не ешь? Мне доложили.

— Я больше не буду! — по-детски торопливо заверила Катя и сама испугалась: сдержит ли слово? Этот пшеничный суп с воблой у нее уже стоял в горле.

— Есть какие-нибудь просьбы? — спросил командир.

Катя замялась.

— Не стесняйся, высказывай.

— Туфли бы...

— Туфли? Какие туфли? — не понял командир.

— Ну, на стопочке.

— Что еще за стопочки? — нахмурился майор.

— Ну... каблук такой, — краснея, пояснила Катя.

— А-а, — облегченно вздохнул командир. — Это другое дело. Конечно, надо, а как же. Пойдем в мастерскую.

Нет, не удалось капитану Гуткину срезать на экзаменах Екатерину Петлюк. Из тридцати выпускников она в числе восьми все экзамены сдала на «отлично».

Поздравляя с отличным окончанием школы, батальонный комиссар Харченко сказал:

— Есть мнение оставить вас при школе инструктором.

От этих слов у Кати сделалось такое лицо, что комиссар торопливо сказал:

— Ладно, ладно, только не вздумай реветь.

— И не подумаю.

— Вот и хорошо.— Комиссар выстукивал пальцами дробь по крышке стола, что-то придумывая.— Тогда так, пока останешься в батальоне. Подготовим женский экипаж...

— Нет! — решительно заявила Петлюк.

— Да,— вздохнул комиссар.— И откуда в тебе столько...— он замялся, подыскивая слово.

— Твердости? — помогла ему Катя.— Так ведь я комсомолка. Разве непонятно?

— Ладно, иди, комсомолка, оформляйся в маршевую роту.

Второго июля 1942 года маршевая рота прибыла на станцию Сарепта на завод «Судоверфь» для получения танков.

Кате Петлюк достался легкий танк Т-60. Для удобства в бою каждая машина имела свое имя. Имена танков все были внушительные: «Орел», «Сокол», «Слава», а на башне танка, который получила Катя Петлюк, было выведено необычное: «Малютка».

Танкисты посмеивались: «Вот уж в точку попала — малютка в «Малютке».

Никто из танкистов и сама Катя Петлюк не знали тогда, почему именно этому танку дано такое имя.

Но не будем забегать вперед, а вернемся в сорок второй год, в далекую от Сталинграда Омскую область на станцию Марьяновку.

В газете «Омская правда» было напечатано «Письмо Ады Занегиной». В нем говорилось: «Я — Ада Занегина. Мне шесть лет. Пишу по-печатному. Гитлер выгнал меня из города Сычевка Смоленской области. Я хочу домой. Маленькая я, а знаю, что надо разбить Гитлера и тогда поедем домой. Мама отдала деньги на танк. Я собрала на куклу 122 рубля 25 копеек. А теперь отдаю их на танк. Дорогой дядя редактор! Напишите в своей газете всем детям, чтобы они тоже свои деньги отдали на танк. И назовем его «Малютка». Когда наш танк разобьет Гитлера, мы поедем домой. Ада. Моя мама врач, а папа танкист».

Потом газета напечатала на своих страницах письмо шестилетнего Алика Солодова. «Я хочу вернуться в Киев,— писал Алик,— и вношу собранные на сапоги деньги — 135 рублей 56 копеек на строительство танка «Малютка».

Так началось в эти суровые годы единственное в стране движение

дошкольников по сбору средств для фронта. В газете изо дня в день печатались письма детей под рубрикой «На танк «Малютка». Мальчишки и девчонки, эвакуированные в Сибирь из оккупированных областей Белоруссии, Украины, из осажденного Ленинграда, отдавали свои «кукольные» деньги для фронта.

Руководители Омского горно послали телеграмму Верховному Главнокомандующему. «Дети — дошкольники, — писали они, — желая помочь героической Красной Армии окончательно разгромить и уничтожить врага, деньги, собранные ими на игрушки, куклы... отдают на строительство танка и просят назвать его «Малютка».

Под грифом «Высшая правительственная» пришла телеграмма из Кремля: «Прошу передать дошкольникам Омска, собравшим 160 886 рублей на строительство танка «Малютка», мой горячий привет и благодарность Красной Армии. И. В. Сталин».

Ада думала, что танк «Малютка» достанется ее отцу — танкисту. Но получила танк старший сержант из 56-й танковой бригады Екатерина Петлюк.

Бригада сосредоточилась в районе Калача-на-Дону между совхозом «10 лет Октября» и МТФ-2. Полковой комиссар А. В. Новиков, знакомясь с новым пополнением танкистов, с удивлением обнаружил среди рослых мужчин маленькую худенькую девочку. Вначале он ничего не понял и решил: кадровики что-то напутали. Но ему объяснили, что никакой ошибки нет. Комиссар промолчал, но вечером вызвал Катю Петлюк в штаб. Выслушав ее доклад, кратко сказал:

— Будете работать на связи при штабе бригады.

— Но я прибыла воевать!

Комиссар пропустил мимо ушей дерзость.

— Приказываю доставить пакет в штаб корпуса. С вами отправится капитан Кантемиров. Командир танка старший сержант Козюра получил задание. Маршрут ему известен. Выполняйте!

— Слушаюсь! — Катя четко повернулась, но у дверей ее остановил комиссар.

— Мы здесь все воюем, — уже мягче заговорил он. — А работать на связи будет не легче, чем ходить в атаку. Желаю успеха.

Свой первый бой у поселка Скворино Катя никогда не забудет. Земля дыбилась от разрывов снарядов, всплескивались черные фонтаны. Но связная «Малютка» пока счастливо увертывалась. Она подкатывала к командирским машинам, брала приказы, мчалась в подразделения, передавала эти приказы, подвозила ремонтников к подбитым танкам, доставляла боеприпасы, вывозила раненых.

К вечеру утихомирилась война, умолкло небо и земля успокоилась. В сумерках танкисты сосредоточились в роще, куда должен был

прибыть комбриг. Деревья стояли притихшие, настороженные, словно еще не оправились от недавнего боя.

Командир танка Николай Козюра пугал Катюшу:

— Комбриг — мужик суровый. Увидит тебя, всем нам достанется.

Когда прибыл командир бригады полковник Лебедев и экипажи встали перед своими танками, Козюра шепнул Кате:

— Спрячь под шлем волосы. Может, проскочишь. Да и фамилия твоя запросто может за мужскую сойти.

Всей роте комбриг объявил благодарность. Потом стал обходить экипажи и пожимать танкистам руки. Каждый боец называл свое звание и фамилию. Когда полковник поравнялся с Катей, та, набрав побольше воздуха, неестественным басом гаркнула:

— Старший сержант Петлюк.

Напрасно хитрила Катя. Во-первых, полковник и по ее маленькой руке мог определить, что перед ним женщина, а во-вторых, ему уже доложили, как она отличилась в бою. Пожимая ей руку, он громко, чтоб все слышали, произнес:

— Молодец, Катя Петлюк!

...Бои шли непрерывные. Ивановка, Варваровка, Чепурниковская, станция Садовая...

В самые критические дни Сталинграда каждый наш боец сердцем чувствовал, что именно здесь, на берегу Волги, начнется великий перелом. Конечно, Катя Петлюк не знала, что там планируют полководцы в больших штабах. Ее стратегический обзор был ограничен смотровым люком механика-водителя. Как у солдата — обзором из собственного окопа. Но это, так сказать, визуальный обзор. У сердца свои измерения. Все понимали: слишком долго мы отступали... Крепла уверенность. Вот Волга, вот Мамаев курган, от него до реки всего несколько сотен метров, а хваленая, «непобедимая» армия вермахта никак не может их преодолеть. Значит, напор врага на исходе, из последних сил напрягает свой сутулый хребет, значит, вот-вот наступит перелом.

18 ноября командир бригады вызвал в штаб командира танка младшего лейтенанта Губанова (у «Малютки» сменился командир), механика-водителя Петлюк и капитана Арамянца. Вручая пакет, полковник строго сказал:

— Что бы ни случилось, пакет не должен попасть к врагу.

Катя еще раз по карте уточнила маршрут. Но одно дело — карта, Катя вела машину в сплошной темноте. Младший лейтенант Губанов и капитан Арамянц сидят на броне, пытаются хоть как-то помочь Кате вести машину. В открытый люк бьет снежная крупа, лицо покрывает ледяной коркой. Внезапно танк остановился. Катя включила фару и прямо перед танком увидела табличку: «Мины».

Спустя тридцать лет Николай Агабекович Арамянц будет вспоминать ту поездку, не переставая удивляться:

— Когда мне сказали, что танк поведет женщина, я, честно говоря, испугался. Думал, лучше пешком пойду. И как ты могла провести танк? А минное поле? Как ты могла его почувствовать?

Екатерина Алексеевна и до сих пор не поймет, какое чувство сработало у нее в ту ноябрьскую ночь, когда остановила танк в трех метрах от мин.

...В 7 часов 30 минут залп «катюш» рассек хмурое и мокрое небо огненными молниями. Эту «песню» тут же подхватила почти вся артиллерия Юго-Западного и Донского фронтов. Восемьдесят минут длилась мощная канонада, и началось наступление.

Впереди пехотинцев шли танки. «Малютка» металась по полю, выполняя частые и неожиданные задания командира бригады. Младший лейтенант Губанов следил за полем боя. Вот тяжелый «КВ» подорвался на mine и застыл. Он продолжал вести огонь с места. Катя понимала, что теперь «КВ» — хорошая мишень для противника. Надо немедленно спешить на помощь. Когда чуть стемнело, на ее танк погрузили траки для «КВ», другие детали.

— Вперед! — приказал Губанов, а через несколько минут вдруг крикнул испуганно: — Ты куда? Там же мины!

Но Петлюк уже вела свой танк. Вела одной гусеницей по следу «КВ». В этом случае был меньший риск подорваться на mine.

А утром снова бой. День за днем, ночь за ночью.

23 ноября войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов соединились в районе поселка Советский — близ Калача. Соединились там, где вступила в свой первый бой за Сталинград старший сержант Екатерина Петлюк.

27 декабря 56-я танковая бригада была преобразована в 33-ю гвардейскую танковую бригаду и ушла в Сальские степи. Несколько танков, и в их числе «Малютка», были переданы в 90-ю танковую бригаду.

Вечером под Новый год Катя сидела под танком, поддерживая огонь в печурке.

Катя вспоминала довоенные новогодние праздники. Как она любила запах хвой и тающего воска! Отец, где бы ни был, обязательно старался к Новому году вернуться домой. Он, как Дед Мороз, заявлялся с подарками...

По броне танка застучали сапоги. Через аварийный люк протиснулся под танк Губанов.

— Принимай, Катюша, от Деда Мороза!

Посылка была скромная: две ватрушки с творогом, горсточка изюма, кусочек сала, две селедки и вязаные варежки с тремя пальцами. И письмо. Катя торопливо развернула треугольник. И пока командир оттаивал возле печурки ватрушки, читала строчки детского

письма, написанного на маленьком листочке в косую линейку: «Дорогой боец! Пишет тебе Юра Севастьянов, ученик второго класса. Я эвакуированный с Украины в Среднюю Азию. Посылаю тебе вареники. Сам вязал, чтобы не мерзли пальцы, когда будешь бить фашистов».

— Ну, ты чего, Катюша? — окликнул ее Губанов. — А ну вытри глаза, сейчас комиссар придет поздравлять. Неудобно, танкист.

Когда светящиеся фосфором стрелки танковых часов приблизились к двенадцати, в танк спустился комиссар батальона Шабельников. В бригаде его звали стариком, хотя комиссару было чуть больше сорока. Достали «наркомовские», разлили в колпачки от снарядов сорокопятки и выпили за новый, сорок третий год, за скорейшую победу в Сталинграде.

...«Малютка» свернула в один из переулков.

— Надо обеспечить продвижение пехоты через железнодорожное полотно, — повторил Губанов приказ комбата.

Катя внимательно наблюдала за полем боя. Рядом грохнул снаряд. Машина содрогнулась. Катю оглушило. Но она тут же пришла в себя. Протирая глаза, она заметила новую вспышку выстрела.

— Ага! Вот откуда ты стреляешь!

Два снаряда разнесли вражескую пушку. А наступающие цепи наших бойцов уже устремились дальше.

Вот впереди тридцатьчетверка. На башне выставлена пустая гильза — это условный сигнал: «Нужна помощь».

— Жми, Катюша! — приказал Губанов.

Катя почти вплотную приблизилась к застывшей машине. Младший лейтенант Губанов выпрыгнул из люка и бросился к тридцатьчетверке. И тут же, как подкошенный, упал в снег. Катя успела заметить, откуда была послана пулеметная очередь. Она оставила рычаги танка и схватилась за пушку. На Т-60 подъемного механизма не было. Напрягая все силы, Катя уперлась плечами в сошки, навела орудие точно в цель. Пулемет умолк.

Катя окликнула своего командира. Губанов тяжело стонал и просил открыть башенный люк.

— Жив!

— Нога... и шум, шум...

— Я сейчас, сейчас, Ваня.

Стиснув зубы, Губанов влез-таки через башенный люк. Не успел он закрыть крышку, как что-то лягнуло о металл. Губанов нагнулся и показал Кате расплюснутую пулю.

— Вот она, смерть моя, — сказал он и спрятал пулю в карман. — Значит, еще повоюем.

— Давай перевяжу ногу.

— Некогда, Катюша. Вперед!

Еще несколько часов они находились в бою. И лишь к вечеру, когда Губанов начал терять сознание, Катя вывела танк к своему штабу. Губанова тут же отправили в госпиталь.

Проводив своего командира, Катя еще долго смотрела вслед уходящей машине. Потом, обессиленная, присела на пустой снарядный ящик. Стало холодно. Мороз к вечеру крепчал. А может быть, и днем было за двадцать. Может быть. Только Кате весь день было жарко, и она не видела, что там в небе — тучи ли, солнце. Сейчас лохматое облако на короткое время закрыло луну. Но оно было редкое, прозрачное, и было заметно его движение. Облако прошло по луне, словно бархоткой наветло золотистый блеск, и луна вспыхнула особенно ярко. Она была высока и одинока в небе и была похожа на блестящую солдатскую пуговицу, а может быть, на сплюснутую пулю, которую спрятал в кармане гимнастерки Губанов.

Катю разыскал старшина, протянул конверт.

— От комбата.

— А что с ним?

— Майор Павлов убит. Батальон принял капитан Трынхин.

В конверте оказалась плитка шоколада и записка: «Дорогой Малютке желаю побить больше фашистов и невидимой вернуться домой». Тут же была и рекомендация для вступления в партию.

17 января 90-я танковая бригада вела бои на подступах к Воропоново. Едва выдалась малая передышка, состоялось партийное собрание. Екатерина Петлюк была единогласно принята в ряды ленинской партии. Перед самым боем батальонный комиссар Скрыпник вручил Кате партийный билет.

Занималось утро 31 января 1943 года. Небо было непривычно спокойным. Ветер угнал тучи, и сам не возвратился. Из-за Волги поднималось солнце. Танки, выстроившиеся в походную колонну, въезжали на площадку Павших борцов. Среди них и «Малютка».

Вдруг над входом в подвал показался белый флаг. Танкисты открыли люки. Кое-кто вылез из танков. Со стороны вокзала показалась колонна пленных. Обутые в соломенные эрзацваленки, обернутые обрывками шинелей, мешками, покрытые полотенцами и женскими платками, плелись они по заснеженной дороге.

Катя Петлюк тоже вылезла из машины и подошла к группе танкистов.

— Чего стоим?

Командир батальона капитан Трынхин показал рукой в сторону подвала:

— Паулос со своими генералами там сидит. Флаг белый поднял, а сдаваться хочет только генералу. За ним уже поехали.

— Вот цаца какая,— удивилась Катя.— Чего захотел, подавай ему генерала. Может быть, документы вздумает проверить? Вы

скажите ему, что я заместитель командующего. Вот пойду и выведу эту свору за ушко да на солнышко. И конец войне на нашем фронте.

— Нет, Малютка,— улыбаясь, сказал Трынхин.— Международные правила мы всегда уважали. И сейчас нарушать не будем. Все равно эти генералы от нас никуда не денутся.

Солнце поднималось все выше. Мороз мягчал. Снег на броне начал таять. С юга подуло весной. А колонны пленных все шли и шли. Казалось, не будет конца этому жалкому шествию.

К подвалу подошла группа советских офицеров во главе с начальником штаба 64-й армии генералом И. А. Ласкиным. Их встретила стена рослых эсэсовцев с автоматами. Генерал Ласкин руками оттолкнул двух автоматчиков. Представители советского командования скрылись в подвале.

Пока там шли переговоры, стоящие на площади танкисты все же волновались за судьбу генерала Ласкина.

Но вот из подвала стали выходить немецкие генералы. Отдельно от них из-за развалин в длинной шинели, высокий и прямой вышел фельдмаршал Паулюс. К тому времени обезоружили и увели немецкую охрану. Весь двор заполнили советские солдаты и офицеры.

— Смотри, Малютка,— сказал капитан Трынхин,— смотри и запоминай. Потом детям и внукам своим рассказывать будешь.

— Скорее бы вот так же Гитлера,— проговорила Катя.

— Доберемся и до Гитлера.— Комбат помолчал, потом снова заговорил: — А ты знаешь, Малютка, что еще никогда за всю историю войн не был пленен ни один фельдмаршал русской армии. Никогда не попадал в плен и советский маршал. А вот высший полководческий чин гитлеровской «непобедимой» армии генерал-фельдмаршал Фридрих Паулюс в плену.

Когда увезли пленных генералов, Катя решила осмотреть площадь, а по правде говоря, захотела размять ноги. Ведь последние двадцать два дня она почти не вылезала из танка.

К ней подбежал танкист — связной штаба.

— Петлюк! Еле разыскал тебя! — переведа дух, выпалил связной штаба.— Там большое начальство тебя требует.

В голове колонны стояла группа офицеров. Все в полушубках. Среди них Катя знала лишь командира бригады Малышева и генерала Богданова. На всякий случай Катя представилась всем сразу.

— Вот она, старший сержант Петлюк,— сказал подполковник Малышев.— Отчаянно воевала. Представлена к награде.

— А мы знакомы,— подходя к Кате и пожимая ей руку, говорит генерал Богданов.— Значит, слово сдержала? Хоть на одной гусенице, но пришла на центральную площадь! Молодец!

— Служу Советскому Союзу! — звонко ответила Петлюк и тут же задала вопрос: — Долго еще будем тут стоять? Так и Берлин без нас возьмут.

— Правильно замахнулась, Малютка,— проговорил генерал.— Но до Берлина ох как далеко!

Да, от Сталинграда до Берлина было действительно далеко. Командующий северной группой генерал Штреккер отказался капитулировать, и лишь 2 февраля прозвучали последние выстрелы исторической битвы на Волге.

За мужество и героизм, проявленные в боях за Сталинград, 90-я танковая бригада была переименована в 41-ю гвардейскую танковую бригаду.

На вооружение должны были поступить новые танки, а старые отправлялись в капитальный ремонт или на переплавку. «Неужели с «Малюткой» расставаться придется?» — с сожалением думала Катя. А танкисты шутили:

— «Малютку» на переплавку отправлять не будут, а просто вместе с механиком-водителем Катей отправят в музей.

Катя не сердчала на друзей. Танкистов-девушек было мало, а на Донском фронте Екатерина Петлюк была одна.

В ожидании новой техники расположились в подвалах разрушенных зданий, где совсем недавно шли бои. Воду приходилось носить из Волги. Катя шла с ведрами и смотрела на трупы немецких солдат, которых еще не успели захоронить. «Искали жизненное пространство,— думала она,— мало было своей земли, и вот нашли...»

На берегу Катя встретила первых жителей. Они шли с левого берега Волги, волоча за собой детские санки с нехитрыми пожитками, вели за руки детей. У разрушенного железнодорожного моста они остановились, осмотрелись.

— Куда же вы идете? — спросила Катя.— Ведь в городе все разрушено.

— Мы пришли домой,— ответила маленькая сгорбленная старушка и, прищурившись, стала оглядываться по сторонам.— Да, работы много будет... Ничего, сдюжим.

Женщины несколько раз возвращались к мосту, осматривались, пытались определить, где проходила их улица. Но ни улиц, ни домов не было. Огненный смерч, бушевавший здесь 200 дней и ночей, превратил город в хаотическое нагромождение кирпичей и пыли.

Напрасно волновалась Катя Петлюк. На переплавку ее «Малютку» не отправили и в музей не определили, а передали вместе с механиком-водителем в 91-ю отдельную танковую бригаду подполковника И. И. Якубовского.

Надо сказать, что накануне Кате вручили гвардейский знак. Так что в бригаду Якубовского она ехала в звании гвардии старшего сержанта.

Двигатель «Малютки» к тому времени держался, как говорят, на честном слове. Катя настаивала, чтобы сделать ремонт. Ей обещали, но на новом месте. А пока надо было следовать своим ходом в расположение бригады.

Как и предчувствовала Катя Петлюк, где-то на полпути двигатель заглох. Въехала она в расположение части на буксире позади тридцатьчетверки. Вся бригада вышла поглядеть на эту картину.

— «Малютку» везут!

— Катя на буксире! — посмеивались танкисты.

Кате не понравились эти шутки. Затаив обиду, она не приняла заботы офицеров, решивших выделить для нее отдельную комнату при штабе.

— Здесь и спать будешь, — сказал капитан Романовский, — а то неудобно как-то: девушка среди мужиков.

— А мне удобно, — с вызовом ответила Катя. — Я всегда была среди бойцов и теперь пойду в землянку.

Танкисты отгородили ей место на нарах плащ-палаткой. Постепенно они так к ней привыкли, что стали считать просто своим парнем. Однажды сержант Мельников сказал:

— Петлюк, пошли в деревню. Там, говорят, девчата интересные. — Но вдруг умолк, почесал затылок: — Вот ведь балда я, совсем забыл, что ты девчонка.

Катя решила отквитать за насмешки, когда «Малютку» притащили на буксире.

После ремонта она вывела танк на прокатку. Шутники и тут не оставили ее в покое, насмешливо просили: «Прокати нас, Катюша, на тракторе, до околицы нас прокати». Многие влезли на броню. Держались за скобы, за башню. Ну, Катя и прокатила! Она выбирала местность поухабистей и лужи поглубже. Долго помнили в бригаде ту «прогулку» недалеко от станции Разгуляевка.

Побавилось желающих подтрунить над девушкой, когда в Тесницких лагерях под Тулой ей вручили медаль «За оборону Сталинграда» и орден Красной Звезды. Коммунисты избрали ее парторгом роты.

В тот особенно памятный для Кати день в гости к танкистам приехал ансамбль Всесоюзного радио под руководством Бориса Александрова. Приезд прославленного ансамбля танкисты расценивали как вторую награду за Сталинград.

Сцена была сооружена на поляне в лесу. Был май, и всюду рядом с гусеницами танков пестрели цветы. Особенно было много ландышей. Катя знала, что артистам всегда приятно получать цветы от своих поклонников. Она стояла с букетиком ландышей среди бойцов, не решаясь подойти ближе.

А со сцены звучала шуточная песня о медицинской сестре.

Маленькая Валенька
Чуть повыше валенка.
Но зато удаленькая
Маленькая Валенька.

Исполнял песню народный артист СССР Максим Михайлов, а аккомпанировал на пианино профессор Московской консерватории Дмитрий Борисович Кабалевский.

Этой песней заканчивалось первое отделение концерта. И тут Катю словно кто-то толкнул в спину. Она подбежала к сцене и протянула цветы артистам. Чтобы взять их, Кабалевскому пришлось согнуться чуть не пополам. Он пожал Кате руку и неожиданно приподнял ее. Эта потешная картина рассмешила танкистов. А реакция артистов была неожиданной. Увидев маленькую девушку с боевыми наградами на гимнастерке, они решили, что перед ними именно та «маленькая Валенька», о которой они поют. Смущенная Катя убежала и скрылась среди бойцов. А Михайлов еще дважды повторил *на бис* «Маленькую Валеньку».

После концерта Дмитрий Борисович расспрашивал Катю о жизни, семье. Та встреча послужила началом их многолетней дружбы.

...В 1972 году в Одессу к Екатерине Алексеевне Петлюк приехали работники Центрального телевидения. Они снимали двухсерийный фильм о Кабалевском. Там есть кадры, где Дмитрий Борисович на вопрос, с какими интересными людьми ему довелось встречаться, называет имена Ромена Роллана, Мате Залка, Анри Барбюса и Екатерину Петлюк.

Потом из Кисловодска, где лечился профессор Кабалевский, придет в Одессу такое письмо: «Дорогая Екатерина Алексеевна! Вот обращаюсь к Вам так по имени и отчеству, а хочется: милая Катюша! Вы же всегда останетесь для меня той юной милой Катюшей, девушкой в форме танкиста, какую я встретил в дни войны и к которой на всю жизнь проникся искренней симпатией и глубоким уважением. Очень давно мы не виделись, а чувства остались на всю жизнь такими же. Вот почему, когда кинематографисты приехали в Кисловодск и дали прослушать пленку с записями ваших воспоминаний о тех днях, я был глубоко тронут и взволнован до слез. Спасибо Вам, спасибо от всей души, дорогая Катюша, за Ваши чудесные умные слова.

Еще раз спасибо за книжку. Сегодня от себя и от жены моей Ларисы Павловны, которая Вас, конечно, хорошо помнит и восхищается Вашим мужеством, поздравляю с праздником Великого Октября. И на память высылаю книгу, из которой Вы узнаете, как я жил и работал все годы».

Екатерина Алексеевна не раз побывает в Москве в гостеприимной семье Кабалевских.

Летом сорок третьего бригада была переброшена в Кобылянские леса и вошла в состав 3-й гвардейской танковой армии генерала П. С. Рыбалко.

В знойные дни сорок третьего года на огромном пространстве между Орлом и Харьковом разгорелось одно из крупнейших сражений второй мировой войны — Курская битва.

К 15 июля армия Рыбалко, совершив трудный пятидесятикилометровый марш, сосредоточилась в районе Новосила и с ходу вступила в бой. Гитлеровцы всеми силами пытались удержать Собакино — узел сопротивления, прикрывший путь на Орел.

Катя Петлюк вела в бой танк Т-70 (с легким танком Т-60 пришлось-таки расстаться. Катя взяла на память о «Малютке» танковые часы. Сейчас они экспонируются в Музее обороны Сталинграда). В башне танка, не отрывая глаз от прицела, сидел командир взвода лейтенант Михаил Колов.

«Семидесятка» легко взбралась на пригорок.

— Короткая! — раздался в наушниках голос лейтенанта Колова.

На мгновение танк замер. Грянул выстрел.

— Недолет!

— Короткая!

— Отлично!

Шел краткий, самый деловой разговор между командиром танка и механиком-водителем. Лейтенант Колов вел огонь по вспышкам выстрелов противника, появлявшимся на окраине села Протопопово, располженного влево от Собакино, на противоположном берегу Оптушки. Все реже приходилось кричать ему «недолет» или «перелет». Командир действовал расчетливо, без спешки, и снаряды точно попадали в цель. Но и вокруг танка рвались вражеские снаряды, взметая фонтаны земли, перемешанной с металлом.

Словно по волнам неслась «семидесятка». Местность была пересеченная. Слева шел танк лейтенанта Романовского. Лейтенант старался помочь Кате: все искал, кто же обстреливает. Искала и Катя. Люк она держала открытым, обзор был достаточным. Впереди слева она увидела повозку и привязанную к ней лошадь. Лошадь то и дело шарахалась в сторону. Как дернется, так вскоре рядом с танком падает снаряд. «Значит, где-то поблизости от повозки замаскировано вражеское орудие», — догадалась Катя и крикнула Колову:

— Дистанция шестьсот, по ходу тридцать градусов влево!

Первым же выстрелом Колов накрыл вражеское орудие. Вдруг он увидел, что по полю со стороны Собакино к танку бежит человек. Присмотревшись, Колов узнал командира танка младшего лейтенанта Наума Львовского.

— Стоп! — скомандовал Колов. — Что случилось, Наум?

— Помоги, Миша. Мой танк застрял в воронке. Никак не можем выбраться.

— Где? — уточнила Катя Петлюк.

— У деревни. Держи правее.

Воронка оказалась глубокой, с крутыми краями. А земля мягкая, влажная.

— Катюша, я своим мотором буду тебе помогать, — сказал механик-водитель сержант Георгий Куликов, накинув трос на крюк «семидесятки».

Выбрались на твердую почву и устремились по широкой деревенской улице к речке. В деревне пусто. Догорал дом слева от дороги. Танк прошел сквозь расстилавшийся по земле дым. Дышать стало трудно. Из густых кустов сирени выскочила перепуганная черная кошка. На миг она остановилась, посмотрела на идущий сверху танк и скрылась в кустах.

Когда «семидесятка» переправилась вброд через реку, налетела вражеская авиация. Разорвавшаяся поблизости бомба пробила кормовую броню, повредила радиатор. Кате Петлюк было приказано пересечь на Т-70 к младшему лейтенанту Петру Федоренко. Механика-водителя его экипажа тяжело ранило, а машина была на ходу, хотя и имела две пробоины.

К полудню 22 июля танкисты 91-й бригады разгромили противника в Собакино и, продолжая наступление, на следующий день овладели Александровкой и Михайловкой. Затем 3-я гвардейская армия, а с ней и 91-я отдельная танковая бригада перебрасывается на юг в район села Рыбница. Утром в Первомайском лесу танкисты приводили в порядок технику, готовились к новому наступлению.

Много, конечно, разбросано по нашей стране сел и деревень с одинаковым названием. Вот и здесь, на орловской земле, стоит село Рыбница. Оно гораздо меньше молдавского городка Рыбница, что раскинулся на левом берегу Днестра, где остались Катины родные. Ее «семидесятка» с каждым боем все ближе к нему. Но как далеко еще до Молдавии!

А пока предстоял жаркий бой за Философово.

Философово было сильно укреплено. Гитлеровцы использовали свое выгодное положение на господствующем, западном берегу реки Малая Рыбница, которая рассекала село на две части. Мост через реку был взорван, подступы к переправе заминированы и непрерывно простреливались.

Наши саперы скрытно всю ночь проделывали проходы в минных полях, наводили переправу. К утру 29 июля все было готово к наступлению.

Светало. Утро выдалось хмурым. Дороги размыты, моросит дождь. Все забрызгано грязью. И даже свинцовые тучи, нависшие над горизонтом, кажется, забрызганы грязью.

Фашисты вели непрерывный огонь. Катя Петлюк упряталась «семидесятку» за развалинами дома.

К танку подошел военфельдшер Анатолий Баламут. Как обычно, перед атакой он провожал экипажи. Молча достал из санитарной сумки два индивидуальных пакета. Один вручил Кате, другой Федоренко.

— Вернуть после боя,— сказал он и направился к другому танку.

«Вернуть после боя» — эти произносимые с какой-то трогательной задушевностью слова стали уже привычными для танкистов. Они означали: «Желаю каждому вернуться живым, даже без царапины». Это было доброе пожелание, дружеский приказ.

Вскоре раздалась команда: «По машинам!» Катя и Петр Федоренко уже подбегали к своей машине, когда недалеко от них разорвался артиллерийский снаряд. Взрывной волной Катю бросило на землю. Забираясь в танк, она почувствовала боль в левой ноге, чуть выше колена, но ничего не сказала Петру о ранении. Ей очень хотелось вернуть Баламуту индивидуальный пакет...

...«Семидесятка», ревя мотором, вышла к опушке леса. Ветки молодого ельника стегали по броне и по привязанным бревнам. Федоренко непрерывно обстреливает огневые точки противника, а Петлюк корректирует, уточняет огонь. Она внимательно следит за полем боя. Вот уже осталась позади изломанная лента водной преграды. Дорогу размыло. Катя ведет машину вдоль опушки. Немцы непрерывно и густо обстреливают дорогу.

Снаряд разорвался впереди танка, Катя круто свернула в сторону кювета и сразу почувствовала, как гусеницы завертелись вхолостую.

Танк сел на днище. Чтобы самим выбраться на дорогу, надо ждать вечера. Тогда под прикрытием темноты можно будет воспользоваться бревном для самовытаскивания.

Немцы тем временем уже просочились в лес. Они заметили танк и, решив, что танк подбит и поэтому стоит неподвижно, приблизились.

— Немцы перед машиной! — крикнула Катя.

Федоренко не сразу понял и начал искать цель где-то вдали.

— Ниже пушку!

Первые же снаряды разорвались у цели. Гитлеровцы, оставив на дороге несколько убитых, скрылись в лесу.

Теперь Федоренко взял на прицел немецкий блиндаж. Он накрыл его вторым снарядом. Вверх полетели бревна, и блиндаж заволкло дымом.

— Бачила, Катюша?

— Отлично, Петро!.. Только как же танк? Неужели будем ночи дожидаться?

И как раз в это время Катя увидела «семидесятку», пересекавшую дорогу. Федоренко узнал эту машину и не удержался: чуть приоткрыл люк и высунул голову.

— Сюда, Зозуля! — крикнул лейтенант.

В этот момент Катя услышала, как командирский люк

странно мягко захлопнулся. Предчувствуя недоброе, она с тревогой оглянулась и увидела, как струйки крови брызнули на комбинезон, на руки командира.

В горячке боя Зозуля так и не заметил попавшую в беду «семидесятку».

— Эх, мать честная... Отвоевался казак,— прошептал Петр и прикрыл ладонями щеку, где зияла рана. Сквозь пальцы сочилась кровь.

— Подожди,— тревожно ответила Катя.— Я тебе перевязку сделаю. Нагнись сюда, все будет хорошо.

Катя разорвала индивидуальный пакет. Федоренко послушно нагнулся и терпеливо следил, как ложится каждый слой бинта. А когда один из них лег низко и немного прикрыл правый глаз, Петр вдруг крикнул.

— Не завязывай глаз! Я еще постреляю!

— Хорошо, Петро. Только сиди спокойно.

— Я еще постреляю.

Бой продолжался до сумерек. Им удалось разбить еще один блиндаж и подавить пулеметное гнездо.

Федоренко крепился изо всех сил. Больше всего Петра угнетала мысль, что Катя останется одна в танке, что она может живая или мертвая оказаться в лапах фашистов.

— Катюша, сил моих нет... Дышать трудно... Открой люк.

— Потерпи, Петро. Скоро ночь. Смотри, насаждают!

Федоренко выстрелил последним снарядом.

— Давай пулеметные диски! — крикнул он.

— Все, Петро. И патроны кончились.

Катя достала трофейный парабеллум. Фашисты совсем рядом. Чуть приоткрыв люк, она сделала несколько выстрелов. Трое фашистов остались лежать на траве. Глухо щелкнул курок. Кончились патроны и в парабеллуме.

И тут Катя услышала шум, теперь уже знакомый шум танка. Петро тихо бредил, и Катя отважилась чуть приоткрыть люк. Высунула пустую гильзу и помахала ею.

— Эй, Малютка, что случилось?

Катя узнала голос командира роты «тридцатьчетверок» старшего лейтенанта Николая Мищенко. Это он не раз говорил Кате, что она напоминает ему девушку-гусара из пьесы «Давным-давно». Это льстило Кате. Она читала прежде о Надежде Дуровой, первой в России женщине-офицере, героине Отечественной войны 1812 года.

— Выручайте! — крикнула она.— У меня Федоренко тяжело ранен. Только зайдите сзади — впереди немцы стреляют. Дернете нас тросом, а там мы своим ходом.

...Ночью вернулись в батальон. О своей ране Катя умолчала. В пылу боя она вроде бы забыла о ранении. А сейчас левая нога

онемела. Катя, превозмогая боль, повела танк в медсанбат. Ранение у Петра Федоренко было тяжелым, и его в ту же ночь отправили в тыловую госпиталь. Катя не осталась в медсанбате. Перевязав рану, она тут же вернулась в строй.

Спустя много лет Маршал Советского Союза И. И. Якубовский, бывший командир 91-й отдельной танковой бригады напишет в книге «Земля в огне»: «...мужество мужчины — это, так сказать, явление вроде бы обычное. Мужчинам, как говорят, положено быть такими. Но когда ты видишь, что в ряду мужественных никому ни слова упрека не позволяет сказать своим поведением женщина, работающая на «мужской профессии», то это вдвойне, а вообще-то трудно измерить, во сколько крат превышает героизм человека. О нем говорят, что это — мужество особого порядка. Им, безусловно, обладала участница Сталинградской битвы Екатерина Петлюк».

5 августа 1943 года небо над Москвой озарилось огнями победного салюта в честь освобождения Орла и Белгорода. Это был первый салют за время Великой Отечественной войны.

После разгрома немцев под Орлом бригада получила передышку.

Удивительны августовские ночи на Орловщине. В это время Земля проходит метеоритный поток Персея и в небе то и дело срываются звезды, оставая за собой короткий, быстрогаснущий шлейф. В детстве Катя слышала, что если звезда упала, то где-то умер человек. Сейчас, глядя на звездопад, она думала о том, сколько жизней унесла и еще унесет эта проклятая война.

Катю вызвал капитан Гусев, заменивший раненного в бою командира батальона.

— Собирайтесь. Завтра поедете на армейскую конференцию механиков-водителей.

Катя, потупившись, молчала. Это удивило комбата.

— Вы вроде недовольны. Вам оказывают доверие...

— Не поеду, — неожиданно выпалила Катя.

— Что значит «не поеду»? — удивился Гусев. — Сам командарм Рыбалко будет вас слушать.

— В таком виде не поеду.

— Батюшки мои! — воскликнул комбат и расхохотался. Он только теперь обратил внимание на внешний вид механика-водителя. Перед ним стоял худой подросток в грязном, пробитом осколками комбинезоне. — Вот незадача... Верно, нельзя в таком виде показываться на людях. Опозоримся на всю армию. Единственная девушка механик-водитель танка и одеть не можем. Позор, конечно.

Спустя почти сорок лет Катя прочтет в книге бывшего члена Военного Совета генерала С. И. Мельникова: «Однажды я зашел к Рыбалко... Павел Семенович сидел над какой-то сводкой в глубокой задумчивости. Оторвался от нее и, вздохнув, заговорил:

— Хочу понять, почему мы потеряли так много танков. Только ли от огня противника или...

— Но ведь были жесточайшие бои, и наши танкисты...

— Вот о них-то я и думаю, — сосредоточенно произнес Рыбалко. — Все ли они действовали так, как того требовала обстановка?

Я вспомнил разговор у Сталина о живучести танков и предложил:

— Давай созовем конференцию механиков-водителей, выслушаем их мнения по этому поводу.

— Хорошая мысль! — воскликнул Павел Семенович. — Действительно: кто лучше механиков-водителей знает, почему так часто выходили из строя танки...»

На конференцию прибыли около ста представителей из танковых бригад, преимущественно механики-водители, участвовавшие в пяти и более танковых атаках. Танкисты невольно приосанились, когда на трибуне появилась милостивая энергичная девушка в новеньком, с иголки обмундировании (расторопные хозяйственники за ночь сшили ей костюм) с орденом Красной Звезды, медалью «За оборону Сталинграда» и знаком парашютиста.

Катя говорила о том, что некоторые малоопытные танкисты плохо маневрируют на поле боя, не всегда умеют вести огонь с ходу, на маршах и в бою не используют средства сигнализации...

После конференции Рыбалко подозвал своего заместителя по технической части генерала Соловьева:

— А вы говорите, что танки гибнут лишь от огня противника... Нет, не только по этой причине! Если бы все болели за дело, как эта девушка, удалось бы уменьшить потери боевых машин.

Там же на конференции Кате Петлюк вручили орден Отечественной войны II степени. Этой награды она была удостоена за мужество, проявленное в боях под Собакино и Философово.

Советские войска освобождали города и села Левобережной Украины. Противник создал мощный оборонительный рубеж по рекам Молочная, Сож и Днепр. Особое место он придавал Днепру и создал на его берегах так называемый восточный вал. Но уже ничто не могло сдержать наступательный порыв советских воинов.

Перед выходом к Днепру Катя Петлюк вместе с командиром танка Михаилом Коловым была переведена в 39-й гвардейский отдельный разведывательный армейский автобронепатальон. Накануне наступления парторг роты разьясняла бойцам обращение Военного Совета 3-й гвардейской армии ко всему личному составу, в котором были также слова: «Спешите, воины! Ты слышишь стоны измученного украинского народа, стонущего под немецким игом. Он с надеждой смотрит на восток и ждет тебя. Пусть тебя на крыльях несет любовь к Родине, пусть неугасимым пламенем в твоём сердце горит огонь священной ненависти к врагу. Вперед, на запад, гвардейцы!»

20 сентября, обогнав общевойсковые соединения, 3-я гвардейская танковая армия устремилась к букринской излучине Днепра. За двое

с половиной суток ее передовые отряды преодолели около 200 километров и вышли к Днепру в районе Козинцы, Григоровка.

Вот он, Днепр-Слаутич! Сколько песен, легенд сложено об этой широкой, могучей реке! Сколько битв повидал Днепр! А предстоит увидеть еще небывалую битву.

Утомленные изнурительным маршем, танкисты отдыхали. Почтальон разыскал Катю Петлюк возле бронетранспортера и вручил ей письмо. Это было для нее первое за всю войну письмо из тыла. Катя взглянула на обратный адрес: «Воронежская область, Ольховатский район, колхоз «Первое Мая». Катя поняла: письмо от матери Петра Федоренко. Еще раньше, после отправки Петра в госпиталь, Катя писала его матери: «Все мы ждем возвращения нашего боевого друга. И вы не беспокойтесь — все будет хорошо. Если Петя напишет Вам из госпиталя, то передайте ему привет от механика-водителя его танка Кати Петлюк и от всех его друзей». Из госпиталя от Федоренко вестей не было. Возможно, это письмо принесет радостную весть о командире?

Катя развернула треугольник. «Дорогая моя, знакомая по Петиным письмам, Катюшенька..,— читала Катя. И вдруг фонарик в ее руке дрогнул.— Ни к матери, ни к вам Петя уже не вернется. Горькую весть прислали мне из госпиталя..»

Лениво плескались о берег волны Днепра. Темное притихшее небо изредка освещалось бледным светом ракет. Вдалеке вспыхивал неожиданно ночной бой. Оранжевыми искрами взлетали трассирующие пули. Так на зальтом дождем пожараще ветер вдруг вырвет пламя из груди обугленных головней, швырнет в ночь искры. Пламя спадает и снова вырывается в другом месте.

Но здесь, где расположились танкисты, тишина. Спят бойцы, забывшись в коротком сне. Катю не берет и такой сторожкий сон. Она вспоминает последний бой под Орлом и слова своего командира: «Я еще повоюю». Не придется ему воевать. Воевать будет она, и за себя и за Петра Федоренко. Она будет мстить фашистам, которые на том берегу реки в районе села Зарубенцы пытаются уничтожить батальон капитана Балаяна, захватившего накануне небольшой плацдарм. Там ждут помощи танкистов. А танкисты ждут, когда саперы наведут переправу.

Команда прозвучала неожиданно, хотя все ее ожидали. Катя вскочила, бросилась к бронетранспортеру. Ночь содрогалась от гула моторов. Под непомерной тяжестью оседал, покачивался понтон.

Вот и правый берег Днепра. С ходу в бой. Враг отчаянно сопротивлялся. Понимая, какую опасность представляет для него букринский плацдарм, он снял с менее угрожаемых участков и из глубины дополнительные силы и контратаковал наши части.

Сбросить защитников плацдарма гитлеровцам не удалось. Но и наши войска под Букрином вынуждены были приостановить

наступление. В ожидании подкрепления с левого берега Днепра танкисты укрепляли оборону, вели разведку. В эти дни хватало работы разведгруппе лейтенанта Никифорова, в которую входила и Петлюк.

В короткие часы передышки Катя на несколько минут заглядывала в медсанбат. Все еще давало о себе знать ранение под Философовом, приходилось долечивать ногу. Медсанбат 9-го мехкорпуса размещался в хате сельской учительницы на крутом берегу Днепра.

Катя любила эти минуты в окружении женщин-медиков. Женщины всегда женщины, они вспоминали довоенное время, своих любимых, пытались представить друг друга не в солдатских кирзовых сапогах, а в лаковых туфельках, увидеть друг друга не при тусклом свете коптилки, а в сияющих огнях театральных люстр. Многие девчата по-хорошему завидовали Кате, сожалели, что не «пошли в танкисты», а выбрали работу полегче.

Бои на плацдарме продолжались, и прибавлялись раненые. 4 октября медсанбату выделили еще одну хату под операционную. Девчата пригласили Катю на новоселье. В ответ она неудачно пошутила: «Сейчас некогда. Вот завтра ранят, и я приду к вам».

А утром 5 октября термитный снаряд угодил в бронетранспортер. Ее, тяжело раненную, осторожно подняли на руки лейтенанты Александр Никифоров и Михаил Колов и принесли в медсанбат.

Ощулась Катя на операционном столе именно в той хате, куда приглашали ее на новоселье. Сколько волнения и горечи испытали врачи и медсестры, когда узнали в лице раненого солдатика Катю Петлюк.

— Готовьте к операции! — услышала Катя властный голос хирурга Гертруды Яковлевны Суховаровой.

Осторожно смыли с лица кровь. Над левой бровью зияла рваная рана. Дышать было больно. Грудную клетку словно сдавило тисками. Катя не помнила, когда и чем ее ударило в грудь. Там оставили отпечатки пуговицы, ордена, медали и гвардейский значок.

— Грустное новоселье получилось, — с трудом прошептала она и попыталась улыбнуться.

— Молчи, гвардеец.

В хате дребезжали оконные стекла, с потолка сыпалась штукатурка. Немцы бомбили близкую переправу. Временами бомбы падали совсем рядом. Тогда пол и вместе с ним операционный стол ходили ходуном. Грустные мысли приходили в голову: как глупо погибнуть в этой хате, на операционном столе, а не в бою, не в атаке. В эти минуты она о многом успела передумать. Почему-то память выбирала из прожитого одно хорошее, и Катя с удивлением открывала, как богата была ее жизнь многими радостями. Были, конечно, и горести, но они утонули в памяти. Наверное, в такой момент другими мерками измеряется жизнь.

Хирург между тем, будто бы и не слыша взрывов бомб, делала свое дело. И ее помощницы спокойно делали свое дело. Одни подавали

инструменты, другие держали над столом растянутую простыню, чтобы штукатурка не попала на рану.

«Не такая уж легкая у вас работа,— думала Катя,— зря завидовали». Потом она слышала словно приглушенный голос Гертруды Яковлевны: «...как бы красоту нашей Катюше не испортить. Это ж девичья бровь». И Кате показалось странным, как это вдруг суровая женщина-хирург в такой обстановке может думать о красоте и волноваться, чтобы не испортить девичью бровь.

Операция была долгой. Стиснув зубы, Катя терпела, не стонала.

Вечером в медсанбат пришли навестить ее друзья-танкисты. А потом под покровом ночи на носилках доставили на переправу. Каждое неловкое движение, каждый толчок отдавались невыносимой болью. Поэтому и до берега, и на пароме, и затем на машине до самого госпиталя бойцы держали носилки на руках.

В госпитале номер 3442, что расположился в селе Помокли, ее осмотрели и хотели было отправить в глубокий тыл. Но Петлюк запротестовала. Она боялась расстаться с однополчанами, потеряться. Вдруг придет в часть весточка от родных, а ее не будет. И ее оставили в фронтовом госпитале... временно.

Прощаясь с друзьями-танкистами, Катя просила:

— Если придут мне письма — сберегите! Матери Петра я сама напишу из госпиталя. И вам тоже. Не забывайте меня.

— Все будет в норме, не волнуйся.

— Скорее выздоравливай, Малютка, и снова к нам.

Танкисты утешали своего боевого друга, но каждый в душе был уверен, что Катя Петлюк больше на фронт не вернется.

Но, видимо, золотые руки и золотое сердце были у хирурга корпусного медсанбата Гертруды Яковлевны Суховаровой. Раны, обработанные ею на берегу Днепра под аккомпанемент фашистской бомбежки, стали быстро заживать. Уже через несколько дней Катя Петлюк начала ходить по палате. Она подружилась с санитаркой Машей Николаенко. Та приносила ей фронтовые новости, свежие газеты.

Новости пока не особенно радовали. Советские войска вплотную подошли к Киеву, но столица Украины все еще в руках у гитлеровцев. Больше того, в госпитале однажды доставили раненого танкиста из 91-й бригады. Катю удивило, что ранен он был не на букринском плацдарме, а в районе Лютежа. Как оказалась родная бригада севернее Киева? Эти вопросы не давали Кате покоя. Она сердцем рвалась в родную часть.

Катя задумчиво смотрела в окно. В осенних сумерках накрапывал мелкий дождь, масляно поблескивали лужи. Последние запоздалые листья срывались с оголенных веток тополей и бурными бабочками неуклюже опускались на мокрую холодную землю.

В палату вошла Маша. Она развернула свежий номер газеты «Во

славу Родины», указала Кате на небольшую корреспонденцию и, вздохнув, проговорила:

— Вот это женщина! Вроде тебя, Катюша. А...

В корреспонденции рассказывалось о механике-водителе гвардии старшем сержанте Марии Лагуновой из 56-й гвардейской танковой бригады. Девятнадцатилетняя свердловская комсомолка с фабрики «Уралобувь» в начале войны, как и Петлюк, рвалась на фронт. После долгих и бесплодных уговоров военкома она написала письмо Всесоюзному «старосте» Михаилу Ивановичу Калинин. С его помощью она и попала в танковую школу. Воевала на Волховском фронте за Малую Вишеру и Будогощь. Была там ранена, но снова вернулась в строй. Воевала, как и Петлюк, на Орловско-Курской дуге, дошла со своим танком до Днепра. И вот недавно, совсем рядом, где воевала и Катя Петлюк, танк, ведомый Марией Лагуновой, ворвался в тыл фашистов. Охваченные паникой, гитлеровцы разбежались, бросив противотанковую пушку. А Мария Лагунова догоняла и давила гусеницами фашистских извергов. Но в этом бою танк Лагуновой был подбит. Механик-водитель получила тяжелое ранение и очнулась лишь спустя несколько суток в далеком сибирском госпитале. Ей ампутировали обе ноги. Жизнь висела на волоске. Но у женщины оказалась негибаемая сила воли. «Я должна жить, чтобы снова воевать», — писала она своим однополчанам. И в этом же письме была ее просьба: — Дорогие товарищи бойцы! Кто помнит меня, отомстите за мои мучения».

Катя долго сидела с газетой в руках. Она не знала прежде эту отважную женщину. Но она должна отомстить за нее. Она должна немедленно вернуться на фронт. Да и что ее рана по сравнению с трагедией Марии Лагуновой! Ведь у нее целы руки, ноги. Она может вести танк в бой!

Кажется, последние слова Катя проговорила вслух, потому что побледневшая Мария Николаенко вдруг спросила:

— Убежишь? — И, не дожидаясь ответа, поняла по выражению лица подруги: убежит. — А я?

— Тебе нельзя, сочтут дезертиром.

— Я же на фронт! — Маша с трудом удерживала слезы.

— Вообще-то дело тебе найдется. У нас в роте санинструктор погиб. В тот же день, когда меня ранило. Только письмо оставь, чтобы не подумали худого.

Мария Николаенко оставила несколько писем (начальнику, замполиту госпиталя). Письма были одного и того же содержания: «Ухожу на фронт к танкистам».

В тот же день они удрали из госпиталя на Лютежский плацдарм. Машу Николаенко, конечно, нашли быстро. Пытались вернуть в госпиталь, но упрямая девушка настояла на своем.

Досталось «на орехи» и Кате Петлюк. Особенно гневался

начальник разведотдела армии полковник Л. Шулькин. Всегда спокойный, уравновешенный, сдержанный, а тут вдруг:

— Ведете себя как непослушный мальчишка! Стыдно, товарищ Петлюк! За такие выходки в военное время...

Катя стояла перед полковником, опустив голову и кусая губы. Она действительно в эту минуту была похожа на набедокурившего сорванца. Однако нотацию выслушала стойко. Она боялась лишь одного — чтобы начальник разведотдела армии не отправил ее обратно в госпиталь.

— И как это вам пришло в голову самовольничать? — продолжал полковник.

— Я боялась потеряться, — тихо проговорила Катя.

— Потеряться? — опешил Шулькин. — Разве третья танковая армия — иголка в сене?

Зазвонил телефон. По тому, как полковник вытянулся перед невидимым собеседником, Катя поняла, что звонит большое начальство.

Действительно, Шулькина вызывал командующий армией генерал Рыбалко. Этот звонок, «кстати», и решил Катину судьбу. Полковник торопливо надел фуражку и направился к двери. Потом остановился, будто вспомнив о Кате, смерил ее взглядом и развел руками:

— Ну и вид, гвардеец. Ладно, некогда сейчас с вами заниматься. Идите в свой экипаж. Но учтите, я еще с вами поговорю.

Так Екатерина Петлюк осталась в родном 39-м разведбатальоне.

Долго не удавалось полковнику Шулькину поговорить со строптивой Катей. Начались бои за Киев.

В канун 26-й годовщины Октября в 0 часов 30 минут столица Украины была полностью освобождена. Для танкистов армии Рыбалко бои продолжались и днем и ночью. Освобожден Фастов, Житомир, Бердичев, завязались бои за Шепетовку.

Катя Петлюк много слышала и читала об этом городе. Ведь здесь прошли детство и юность Николая Островского, в годы гражданской войны сражались за Шепетовку легендарные дивизии Буденного, Ворошилова и Щорса.

В те дни парторг Петлюк не расставалась с книгой «Как закалялась сталь». Она вслух перечитывала в экипажах страницы бессмертной книги, и танкисты, как собственную клятву, воспринимали слова Николая Островского: «Только вперед, только на линию огня!»

И настал день штурма. 10 февраля танковая армия Рыбалко вместе с 60-й армией Черняховского нанесла мощный удар. И на следующий день после кровопролитных боев крупный железнодорожный узел Шепетовка снова стал свободным.

После освобождения Шепетовки войска 3-й гвардейской танковой армии были выведены из боя и сосредоточились в районе Полонное, Шумск. Штаб армии расположился в местечке Полонное.

Теплыми ветрами на Украину накатывалась весна. Только теперь Катя вдруг заметила, что почки на деревьях набухли, а вербы выбросили свои пушистые, похожие на крошечных цыплят сережки.

Катя пошла через мелколесье на берег речки Хоморы. Она подняла хворостинку и увидела под ней зеленый комочек мха. Катя подняла его на ладонь, понюхала, и вдруг сердце забилось от необыкновенного запаха зеленой свежести. Она, как впервые, услышала азартное щебетание птиц, увидела, как длинные блестящие сосульки с голых веток кленов роняют капли на ее сапоги.

Над головой очень чистое небо. И лишь одно облако-перышко одиноко высвечивается в огромном синем небе. Что оно, заблудилось? Или отстало от хмурых туч, которые ушли за горизонт, и теперь не знает, что делать? А может быть, погреться осталось на солнце? Вон как насквозь просвечивается горячими лучами...

Катя стояла на берегу речки Хоморы и смотрела, как медленное течение уносит в Случь последние бурые льдины. В эту минуту ее окликнул посыльный. Катю Петлюк вызывали в разведотдел армии.

Полковник Шулькин, как оказалось, не забыл незаконченный разговор на Лютежском плацдарме.

— Ну вот что, беглянка, — совсем нестрого заговорил он. — За побег из госпиталя надо было бы наказать. Но вижу, здоровье тебя не подвело. Да и командирские задатки имеются. Думал, будет не под силу командовать бронетранспортером, все-таки двенадцать бойцов в подчинении. Но справилась, в последних боях воевала, как в Сталинграде и под Орлом. За это сердечное спасибо.

— Служу Советскому Союзу! — ответила Катя. Она чувствовала, что полковник вызвал ее не за тем, чтобы сказать сердечное спасибо.

Полковник Шулькин молча мерил шагами кабинет. Лицо его было хмурым, озабоченным. Было видно, что он хочет сказать что-то главное и не решается. Наконец проговорил, не глядя на Катю:

— Командование армии приняло решение направить вас на учебу в Ульяновское танковое училище.

Катя вздрогнула, хотела было открыть рот, но полковник жестом остановил ее.

— Честно говоря, мне не хотелось бы тебя отпускать, Малютка, — мягко, по-отечески проговорил он. — Но приказ есть приказ, его не обсуждают, а выполняют. Ты грамотная девушка. А нам нужны грамотные офицеры. И не расстраивайся, до Берлина еще далеко, успеешь навоеваться.

От Хоморы до Волги путь неблизкий. Было время подумать о прошлом, настоящем и будущем.

Что ж прошлое? Вроде бы делала для Родины все, на что хватало сил. Хлебнула военного лиха, звание коммуниста оправдала. Три

ранения, два боевых ордена и медаль. Настоящее? Курсант 1-го гвардейского танкового училища имени В. И. Ленина. Будущее? Конечно, в общих чертах можно представить: после училища — на фронт, уже в звании офицера.

Екатерина Петлюк училась отлично. Ее сокурсники занимались уже семнадцать месяцев. Но Петлюк догнала их и в октябре сдала все выпускные экзамены с одной оценкой — «отлично». Ей присвоили звание младшего лейтенанта и... оставили в училище командиром учебного взвода. Здесь, в училище, нужен был ее боевой опыт. Да и последнее ранение не осталось бесследным...

Молодые офицеры-танкисты, ее ученики, уходили на фронт. Их пути на передовую от Волги становились с каждым днем все длиннее.

Прежде она как-то не задумывалась о пережитом. Она не видела себя со стороны. И вот как-то развернула она «Правду» и увидела большой очерк Вадима Кожевникова «Катя Петлюк».

Катя читала газету и удивлялась: неужели все это было? Да, все было именно так. У нее обморожены были не только руки, но и лицо, и ноги. Она тогда действительно не знала, как ей удалось вести танк, маневрировать на поле боя. Она и теперь не может объяснить, откуда брались у нее силы. Другим не может, а себе, пожалуй... Возможно, источник ее силы заключается в том, что она считала себя слабой. Давно уже стало привычным для нее собираться с силами, чтобы доказать — она не слаба. Вот там, на фронте, она постепенно обнаружила, что она... сильная.

Отсюда, с высокого Венца, глядя на необъятные заволжские дали, Катя Петлюк мысленно переживала то, что довелось испытать в нелегких боях. И только теперь она с особой остротой почувствовала радость и удивление: она осталась жива. Ей вдруг подумалось, что люди седеют не в минуту опасности, а потом, гораздо позднее, когда сбросивший напряжение разум дает волю воображению.

И не только разум ее, но и тело словно сбросило напряжение. И заныли раны. Гарнизонная военно-медицинская комиссия вынесла безжалостный приговор: инвалид второй группы.

Что ждет ее в новой жизни? Инвалид. И это в двадцать пять лет!

Радости от встречи с родными, с Одессой, морем ненадолго хватило Кате Петлюк. Она родилась не для спокойной, безмятежной жизни. Да, она сняла погоны офицера, ушла в отставку. Но разве душа коммуниста может уйти в отставку? С января сорок третьего она является бойцом ленинской партии. И если сняла погоны как солдат в сорок пятом, то как боец партии она останется в строю на всю жизнь.

Екатерина Петлюк становится инструктором военного обучения Осоавиахима в Ленинском районе Одессы. Вскоре ее избирают депутатом райсовета. А в 1948 году районный комитет партии

направляет Екатерину Алексеевну на работу в загс. Она заочно окончит юридический факультет университета и еще двадцать три года проработает заведующей бюро загса Ленинского района.

Очень мирную должность доверила партия отважной Малютке. Сколько радостных, счастливых молодых лиц перевидела Екатерина Алексеевна за эти годы! И каждая пара влюбленных слышала от нее: — Будьте счастливы.

А теперь настало время рассказать об истории танка «Малютка», вернее, о продолжении этой удивительной истории.

В 1975 году школьник из клуба «Искатель» омского Дворца пионеров Володя Яшин в старой газетной подшивке «Омская правда» случайно обнаружил «Письмо Ады Занегиной» из далекого сорок второго года. Ребят взволновало это письмо. Они начали поиск той девочки, которая положила начало сбору средств на постройку танка. И нашли ее в подмосковном городе Электростали, где она работает врачом-окулистом.

Но где воевала «Малютка»? Кто водил ее в бой?

19 мая того же года в Омске на праздновании Дня пионерии впервые встретились две хозяйки танка «Малютка». Оказалось, что отец Ады тоже воевал на Орловско-Курской дуге. Там и погиб. Потом их пригласили в Смоленск, на родину Адели Александровны.

После встречи с ними октябрята вторых классов средней школы № 2 города Смоленска решили: «Наш фронт — на хлебном поле!» Ребята стали собирать металлолом, макулатуру, лекарственные растения, чтобы на вырученные деньги построить трактор «Малютка» и вручить его лучшей трактористке области. Октябрята надеялись за два года собрать деньги хотя бы на один трактор. Однако призыв октябрят одной школы подхватили пионеры всей области, и уже через год в Смоленске у кургана Бессмертия выстроились пятнадцать мощных МТЗ-80. На каждом тракторе — латунные буквы: «Малютка». Эти тракторы построили комсомольцы Минского тракторного завода в дни субботников.

— По машинам! — звучит команда.

Вздروгнули стальные кони и тронулись в путь. Началась трудовая биография тракторной колонны «Малютка».

А традиция продолжается. На следующий год смоленские школьники построили четырнадцать тракторов, затем еще двадцать один. Откликнулись на патриотический призыв сверстников ребята из Омской области. Харьковские школьники решили построить 120 тракторов и пополнить ими колонну «Малютка».

Вот так «Малютка» связала неразрывной нитью детей военного времени и нынешнее поколение, танкистов Сталинградской битвы

и механизаторов Нечерноземья. Операция «Малютка» дала возможность ребятам сердцем прикоснуться к подвигу солдат минувшей войны, воплотить память о них в конкретном и живом деле.

СЫН ТРЕХ РЕСПУБЛИК

Погибшим на войне
не льстят. О них пишут
правду. Только правду.

Маленький трудяга буксир, шлепая плечами, разбрызгивая темно-шоколадную муть Амударьи, тащил за собой огромную баржу. Застывшее в зените солнце палило без того раскаленную палубу, и людям некуда было скрыться от него.

Но, странное дело, изнуряющий зной не особенно беспокоил людей. Они не искали тени, видимо, привыкли к жаркому азиатскому солнцу. На палубе было весело. Плавные звуки длинношейей узбекской дутары неожиданно перебивались захватской русской гармошкой. Пели и русские и украинские песни.

Все эти молодые и не очень молодые мужчины — партийные и советские работники Хорезмской области — считали себя счастливыми. Каждый из них не раз обивал порог военкомата, не одно письмо писал в Ташкент с просьбой призвать в Красную Армию. И наконец-то сбылось. Скоро упорный буксирчик дотянет их баржу до первой железнодорожной станции, а там в Ташкент, в военно-политическое училище.

Пожалуй, тяжелее других переносил изнурительную жару Петр Сизов. И немудрено. Хотя родом он был из теплой Украины, но много лет пришлось провести на Севере. Действительная служба в Заполярье, сверхсрочная в Петрозаводске, Высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа имени Кирова в Ленинграде. Отвык от жары. Правда, перед самой войной довелось поработать в родном Запорожье начальником областного статистического управления. Но недолго: началась война.

Сизов был уверен, что его, старшину запаса, сразу же отправят на фронт. Не тут-то было. Когда враг приблизился к Запорожью, Сизова эвакуируют в Москву, а из Москвы — в далекий Ташкент. Из Ташкента — в Хорезм. Там очень нуждались в опытных кадрах.

Полгода работы в должности заместителя начальника Хорезмского областного статуправления, полгода безуспешных попыток вырваться на фронт. На каждую просьбу — однозначный ответ: «Вас партия поставила на этот пост, значит, вы здесь нужны». Сизов это понимал и честно выполнял партийный долг. Но в душе...

Солнце отвесно било в землю кинжальными лучами. Сизов смастерил из газеты что-то вроде шлема, нахлобучил на голову и, прищулив голубые глаза, всматривался в безжизненные берега. Слева — Кызылкумы, а от правого берега начинались неохватные глазом пески пустыни Каракум. Амударья, как змея, извивалась, зажатая двумя пустынями. Вода и раскаленный песок, как два злейших врага, не могли примириться друг с другом. Река торопливо несла свои воды в Аральское море, а пески наседали на нее. Оттого, наверное, Амударья и стала такой коварной и своенравной. Она размывает берега, отгрызает громадные куски веками спрессованного песка и уносит с собой.

Но у самой границы Хорезма скалистые берега словно тисками сжимают капризную реку. Перед ними бессильна Амударья и потому ускоряет бег, торопясь проскочить узкое место. Это Туямуюн (в переводе — Верблюжья шея). Точное название дали предки, река в этом месте узкая и чуть изогнутая, как шея верблюда.

Так вот ты какой, Туямуюн! Название это Петр Сизов услышал совсем недавно. Всего неделю тому назад его пригласили в обком партии. Втайне Петр надеялся: пригласили попрощаться, отпустили все же на фронт.

В просторном кабинете секретаря обкома плавали сизые облака табачного дыма. Маленький черный вентилятор, захлещенный металлической сеткой, бешено вращался, слившись в сплошной круг, и тихо повизгивал. Наверное, от бессилия. Этот визг Петр Иванович слышал, потому что в кабинете наступила тишина. Сквозь табачную дымку Сизов разглядел знакомые лица. За длинным столом сидели водники — ирригаторы, мелиораторы, гидростроители. Все люди почтенного возраста, которым на фронт дорога заказана.

Нет, не для проводов пригласили Сизова в обком. Первый секретарь вышел из-за стола, пожал Сизову руку и кивнул на карту Хорезмской области, висящую на стене.

— Вот, дорогой, смотри. — Он взял карандаш, провел им по синей неровной ленте Амударьи. В самом узком месте реки карандаш остановился. — Туямуюн! Думаем построить здесь гидроэлектростанцию. Помогите товарищам подсчитать, во что обойдется эта стройка.

Сизов недоуменно взглянул на секретаря, так же недоуменно обвел взглядом присутствующих. Подумал: «Розыгрыш? Не похоже, лица у всех серьезные, даже озабоченные. Да что же это они?»

— Какая стройка? — тихо проговорил он. — Фашисты рвутся к Волге, на Кавказ, обстановка на фронте...

— Обстановку на фронте мы знаем, — перебил его секретарь. Он бросил на стол карандаш, открыл пачку «Казбека», долго разминал табак, хмуря густые брови, задумчиво глядя в окно. — Обстановка тяжелая, хуже некуда, — наконец заговорил он. — Но мы верим в победу, а значит, верим и в завтрашний день. Ради этого дня

и собрались и тебя пригласили. Ты опытный экономист, нужна твоя помощь. Присаживайся.

В ту ночь Сизов не попал домой. Прямо из обкома пошел на окраину Ургенча, где размещалась контора статуправления. До рассвета в его кабинете горел свет. Стол был завален различными справочниками, таблицами, тут же конторские счета и логарифмическая линейка.

От работы его оторвал вошедший начальник статуправления Юсуп Хусаинов.

— Ты что, Петр-ока, навсегда поселился в своем кабинете?

— Да вот, — смущенно ответил Сизов и указал на свои расчеты.

— Докладывай, зачем в обком вызывали.

— Не вызывали, дорогой Юсуп, а приглашали. — Сизов подошел к Хусаинову, положил руку на плечо. — Чудеса какие-то. Ты понимаешь, я сам коммунист, а все удивляюсь оптимизму коммунистов, их вере в завтрашний день, убежденности в правоте своего дела.

— Ой, какие высокие слова говоришь. На тебя не похоже!

— Иных слов не подберешь, Юсуп-ока. Дела намечаются очень высокие. Ты подумай, обстановка на фронте тяжелая, хуже, чем в сорок первом, а тут намечается такое... Ты послушай... Туямуюнский гидроузел. Усмирить своенравную Амударью! Да ведь она напоит огромную площадь земли — почти миллион гектаров. И море будет. Понимаешь, море среди двух пустынь. Почти десять миллиардов кубических метров воды обеспечат круглый год полив полей и садов. А дейгиш! Этот злой дейгиш совсем забудется. И сама Дарья поменяет цвет. Соорудим отстойники, и вода, отдохнувшая в них, понесет в Арал чистые волны. Электростанция даст ток всем окрестным кишлакам. — Сизов уже не мог остановиться. Он взлохматил пятерней русые волосы, глядел горящими глазами в окно, словно в завтра, и продолжал возбужденно: — А на берегу нового моря вырастет город. Красивый, белокаменный, с зелеными проспектами и обязательно с фонтанами.

— Ну, и как же назовут этот город? — снисходительно улыбаясь, спросил Хусаинов.

— Не знаю. Но обязательно назовут красиво.

— Когда же это будет? Кто построит?

— Разобьем фашистов, все будет — и город и гидроузел. А кто построит? Да вот мы с тобой и построим. Видишь, я уже причастен к этой стройке. Пока, правда, на бумаге, одни цифры. А вернемся с войны и построим не на бумаге, не в расчетах и мечтах, а наяву. Ты знаешь, Юсуп-ока, я люблю свое Запорожье, но после войны обязательно вернусь в Хорезм и буду строить гидроузел, буду строить этот белокаменный город и жить буду в нем. Он мне будет так же дорог, как Запорожье, потому что выстроен будет и моими руками.

После войны Петр Иванович Сизов вернется в Хорезм. Он будет строить и город и гидроузел. Но это будет очень нескоро...

А пока Ташкент, Харьковское военно-политическое училище. Сизов наивно думал, что ему, старшине запаса, будет легко учиться. Но ускоренный курс, нагрузки изматывали до предела. И даже не физические нагрузки, а душевное нетерпение мучило курсанта Сизова. Там, на Волге, у стен Сталинграда, решается судьба страны. Судьба и его родины — небольшого села Терпение, Запорожья, а он зубрит уставы и наставления, приемы и методы партийно-политической работы в войсках. В редкие часы увольнения любил Петр побродить по узким ташкентским улочкам. Здесь, далеко от линии фронта, люди жили войной. Пусть не гудели над головой вражеские самолеты, не рушились от бомбовых ударов дома, но Ташкент дышал в одном ритме со всей фронтовой страной.

И все же — скорее бы на фронт, скорее на передовую, чтобы самому схватиться с врагом!

На Миус-фронте

Ранней южной весной, когда с близкого моря полыхнут теплые ветры, преобразается земля на Миусе. На десятки километров вдоль реки расцветают сады и утопает в белой кипени возрожденное колхозное село Русское. В центре его, напротив нового Дома культуры, в цветах под изумрудной листвой кленов и акаций на высоком постаменте стоит, преклонив колено, солдат. Высеченное из гранита его лицо печально и сурово. Рука крепко сжимает автомат. Бегают возле памятника босоногие мальчишки — веселые, беззаботные, играют в «казаки-разбойники». Громкие их голоса заглушают весенний щебет птиц. Изредка остановится возле гранитного постаamenta вихрастый белобрый мальчуган и серьезно, повзрослому посмотрит на солдата, забудет на миг про игру. Он стоит и молча смотрит, думая о своем. И пока еще не знает мальчонка, кто лежит под бетонными плитами. Но пройдет немного времени, пойдет он в школу, научится читать. Он узнает о бессмертных подвигах дедов, о тех, кто завоевал ему счастье. Ему расскажут про омытую кровью героев землю, по которой он ходит, где давно уже цветут яблони и черешни, ему расскажут о грозном времени.

...Июль 1943 года. Гитлеровцы, обозленные поражением под Сталинградом, упорно сопротивлялись наступающим советским войскам. На реке Миус в районе Куйбышева они создали сильно укрепленный плацдарм.

Правый берег Миуса пологий всего на несколько метров от воды, а дальше возвышается большая плоская высота. На ней-то и закрепились фашисты. Несколько раз наши подразделения ходили в атаку, но все безрезультатно. Высота господствовала над местностью. Днем на

двадцать километров вокруг просматривались подступы к ней. А ночью немцы зажигали осветительные ракеты. Фашисты не давали возможности даже перейти реку.

...Парторг полка лейтенант Сизов вышел из штабной землянки и, чуть ссутулившись, стал пробираться по узкому ходу сообщения в первую роту.

Солдаты не спали. Прикрывая плащ-палатками огоньки самокруток, они тихо переговаривались. И только наблюдатели не прислушивались к их разговорам. Они зорко всматривались во тьму, туда, где за рекой укрепился враг.

— Не спишься? — подходя к одной из групп, спросил Сизов и сам сел рядом на сыроватую от росы, пахнущую мятой траву.

— В такую ночь разве уснешь, — ответил из темноты молоденький солдат Сергей Коротаяев.

— Да, хороши у нас ночи на Украине, — согласился с ним парторг. — Я ведь из этих мест родом. До моего села Терпение рукой подать. Богатый был колхоз, хорошо люди жили до войны.

— А по названию не скажешь, — вставил сержант Петр Силыч Донцов, которого в роте все звали просто дядей Силой. — Странное какое-то название.

— Странного ничего нет, — возразил Сизов. — Терпели мои односельчане до революции немало. Многие бежали от панского гнета в привольный запорожский казачий край. Но и в Запорожской Сечи, на острове Хортица, и на днепровских кручах бедняки так и оставались голытьбой. Так из века в век, вплоть до октября семнадцатого года. Советская власть дала людям все. А поганые фашисты хотели уничтожить нашу родную власть. Не вышло. Разбили их под Сталинградом, а добьем в Берлине. Но пока перед нами Миус, а дальше Украина, родное Запорожье...

Слушают солдаты парторга. Умолк и Петр Иванович. Он чувствовал, знал, что не только радость, но и горе принесет свидание с отцовским краем.

Ветер прошептал что-то над бруствером, принес степную прохладу, пахнул медовым запахом цветущих трав.

— Ох и ночка, — мечтательно нараспев проговорил Коротаяев. — Где-то там моя Любаша, соскучилась небось...

— Ишь ты, романтик, — добродушно подтрунил дядя Сила, — дорога, сынок, к твоей Любаше лежит через Берлин.

— Верно, Донцов, — поддержал сержанта Сизов. — Но прежде нужно пройти через вот эту кусачую высоту.

— Да, вцепился фриц в нашу землю, как клещ поганый. Пора бы уже вырвать его оттуда.

— А вот сегодня попробуем, — проговорил Сизов. Солдаты насторожились, ближе придвинулись к парторгу.

— Есть приказ сегодня в 3.00 начать штурм высоты. Но перед

атакой надо ударной группе прорваться к немцам, поднять панику, отвлечь на себя их огонь. Командир поручил мне подобрать добровольцев. Кто желает?

...Пятнадцать храбрецов один за другим бесшумно выползли из окопов, и сразу ночь скрыла их фигуры.

Вот и река. В наступившей тишине на высоте у немцев вдруг разорвался снаряд, за ним второй, третий. Фашисты открыли ответный огонь. А тем временем бойцы переправились через реку.

У подножия высоты бойцы залегли. Ракеты то и дело освещают голую местность. Медленно, короткими перебежками продвигаются вперед солдаты. Вдруг засвистели над головами пули, разорвался поблизости снаряд. Надсадно охнул боец. В вспышке пламени Сизов успел заметить лицо солдата. «Коротаев. Эх, парень, не дождалась тебя Любаша...» Вскочив с земли, Сизов громко крикнул:

— Гвардейцы, вперед!

Он первым ворвался в траншею врага. Завязалась короткая рукопашная схватка. А снизу от реки уже гремело мощное «Ура!» Полк ринулся в атаку. Фашисты отступили. Высота отвоевана.

Однако гитлеровцы не хотели смириться с потерей такого важного тактического рубежа. Они бросили в контратаку танки и автоматчиков, которые стали заходить во фланг, грозя окружением.

В это время ранило комбата. Командование принял заместитель командира батальона гвардии старший лейтенант Дигуров. Он сумел организовать надежный огневой заслон, и контратака была отбита.

Враг залег, но сосредоточил огонь по тылам батальона, не давая эвакуировать раненых и пытаясь отсечь его от основных сил полка. Батальон оказался в исключительно трудном положении, кончались боеприпасы, попытки прорваться к своим не удавались.

Выход нашел парторг Сизов.

— Товарищ майор, — обратился он к командиру полка майору Степанову. — Разрешите мне прихватить несколько человек. Мы прорвемся к Дигурову.

— Действуй, Петр Иванович! — согласился майор.

Парторг быстро сколотил небольшую группу бойцов, среди которых были фельдшер и санитар.

С трудом горстка смельчаков добралась до первого батальона. Дважды фашисты накрывали их минометным огнем, словно боялись, что именно они повлияют на исход боя.

— Где особенно трудно? — спросил Сизов у Дигурова.

— В третьей роте, — ответил тот. — Но туда трудно добраться. Надо перескочить небольшую высоту, которая все время держится под обстрелом.

— Попробуем! — сказал Петр Иванович и с бойцами двинулся дальше.

Вот и высота. Парторг решил было преодолеть ее с ходу, но противник открыл такой интенсивный пулеметный огонь, что

пришлось залечь... Тогда Сизов, прижимаясь к земле, пополз. Он медленно продвигался вперед, по неглубокой борозде. Пулемет, захлебываясь, строчил по высоте. Наконец, борозда влилась в небольшую канаву, в которой можно было надежно укрыться от вражеских пуль. Еще десяток метров — и все были в безопасности.

В третьей роте обрадовались пополнению. Парторг быстро оказал помощь раненым, перевязал несколько бойцов и вынес их в безопасное место.

За личное мужество и доблесть, проявленные в этом бою, гвардии лейтенант Сизов был награжден орденом Красной Звезды.

Вручая боевую награду, командир дивизии генерал-майор П. К. Кошевой крепко пожал руку Сизову:

— Первый орден? Так дай бог, не последний. Молодец, комиссар!

— Служу Советскому Союзу! — по-юношески звонко ответил парторг.

За личную храбрость — орден, а за выполнение повседневных обязанностей парторга наградой стала аттестация, в которой заместитель командира полка по политчасти гвардии подполковник А. Воистинов писал: «Товарищ Сизов проделал большую работу по вовлечению в партию лучших гвардейцев части, которые в бою проявили бесстрашие и героизм...»

Партсобрание под Лепетихой

Все ближе родные края. Петр Сизов мечтал войти освободителем в родное село. Но полк наступал чуть южнее села Терпение. Развертывалась мелитопольская операция...

Осень сорок третьего года выдалась на Украине сырая. Холодная сеть дождей сутками висела над размокшей землей. Казалось, этой слякоти не будет конца. Но для наших солдат распутица не была помехой. Сломив яростное сопротивление гитлеровцев на реке Молочная, дивизия генерала Кошевого вышла к городку Большая Лепетиха. Не на всех картах можно найти это название. Но осенью 1943 года этот городок имел громадное значение в боевых действиях наших войск. Освободить Большую Лепетиху значило выйти к Днепру.

Бесперывные бои и марши утомили бойцов. Надо было подбодрить их, разъяснить важность ликвидации Николаевского плацдарма фашистов, который нависал над флангами наших войск, ведущими бои за Крым. Сизов постоянно находился в подразделениях, проводил партийные и комсомольские собрания, беседовал с бойцами.

Около десяти дней длился тяжелый бой за Большую Лепетиху, который начался в последний день 1943 года. Значение этого насе-

ленного пункта понимали и гитлеровцы. Они непрерывно бросались на наши позиции, пытались любой ценой восстановить свою оборону.

На самых опасных участках среди наших бойцов, как всегда, появлялся парторг.

— Осторожнее, товарищ лейтенант,— окликнул Сизова молодой солдат.— Пуля — дура, зацепить может.

— А, Шарко,— улыбнулся парторг.— Как дела?

— Ждем гостей. Вот гостинцы припасли,— похлопал солдат рукой по вороненой стали противотанкового ружья.

— Слышал, тебя сегодня в комсомол приняли. Поздравляю,— пожимая руку бронбойщику, говорил лейтенант.

— Спасибо. Сегодня я фрицам комсомольским огоньком дам прикурить. А вот и показались гады ползучие. Полюбуйтесь.— Шарко указал в сторону немцев. Там, вдоль лощины, от Лепетики, двигалась колонна танков.

— Подпускай ближе,— советовал Сизов,— бей наверняка.

— Принимай, фриц, гостинец! — крикнул Шарко и выстрелил. Танк клюнул носом и замер, объятый пламенем. Шарко снова припал к прикладу. Выстрел, и новый факел вспыхнул впереди.

— Молодец! Так их! — подбадривал солдата парторг.— Это по комсомольски!

Шесть бронированных чудовищ врага подбил в этом бою комсомолец Шарко. А когда танковая атака была отбита, Сизов поспешил к артиллеристам.

Скоро предстоит штурм вражеских позиций. Артиллеристы должны поддержать пехоту огнем. «Как там они,— думал, пробираясь по траншее, парторг,— нужно поговорить с коммунистами».

— Привет, бог войны! — поздоровался он с артиллеристами.— Как дела? К бою готовы?

— Дела, товарищ лейтенант, неважные,— хмуро проговорил командир орудия коммунист Евпатьев.— Снаряды на исходе, а подвоза нет. Размыло дороги. Транспортники не могут пробиться. А ведь скоро артподготовка. Что делать будем?

— Собери, Евпатьев, коммунистов, потолкуем.

Через несколько минут прямо у лафета орудия состоялось партийное собрание.

— Вопрос на повестке дня один,— сказал, открывая собрание, Сизов.— Как обеспечить батарею боеприпасами.

Слово попросил коммунист сержант Заводный:

— Машинам по такой грязи не пробраться. Лошадей нет. Остается одно — перенести снаряды на себе.

— Это дело,— поддержал его парторг.— Но солдат с позиции брать нельзя. Немцы каждую минуту могут пойти в контратаку. Будем просить помощи у местных жителей. Возражений нет?

О решении коммунистов Сизов доложил командиру полка.

— Добро, Петр Иванович,— поддержал полковник Степанов.— Иди в деревни, другого выхода нет.

Уговаривать местных жителей не пришлось. Все, кто был в уцелевших домах близлежащих сел, охотно вызвались помочь своим освободителям.

...Артподготовка длилась тридцать минут. После нее, казалось, на берегу Днепра у Большой Лепетихи не должно остаться ни одной живой души. Но фашисты надежно врылись в землю, и как только гвардейцы поднялись в атаку, их встретил сильный огонь. Взять Лепетиху с ходу не удалось. Нужно было искать выход из положения.

Сизов вспомнил бой за высоту на Миусе. «А что если повторить тот вариант? Немцы боятся паники». Через несколько минут парторг был уже у командира и по его совету собрал коммунистов, рассказал им о замысле. Осуществить его вызвался коммунист старшина Косинцев. Кавалер трех орденов Славы, Косинцев знал, как действовать в такой сложной обстановке.

Вместе с двумя бойцами он скрытно подобрался к окопам гитлеровцев. На головы врагов полетели гранаты. У немцев поднялась суматоха. Это и нужно было нашим бойцам. Воспользовавшись паникой, в атаку устремились подразделения полка. Впереди наступающих с пистолетом в руке бежал парторг лейтенант Сизов. То тут, то там раздавался его призывный клич. И не выдержали фашисты. Бросая оружие, они стали отступать к реке.

Полку не довелось форсировать Днепр. Командование перебросило дивизию резко на юг в район Каховки.

Фашисты цеплялись за каждую высотку. Но наши войска метр за метром упорно продвигались вперед. Каждый шаг доставался дорогой ценой. Во время одной из атак был тяжело ранен Сизов. Но не долечился Петр Иванович до конца. Всеми правдами и неправдами вырвался из госпиталя уже через полтора месяца, уехал на фронт и разыскал свою часть. Но прежде надо было побывать в политотделе дивизии, стать на партийный учет.

Начальник политотдела подполковник А. Ермоленко позвонил по телефону, попросил какую-то «Ромашку» принести аттестацию на парторга П. И. Сизова.

Конечно, подполковник Ермоленко и без аттестации хорошо знал Сизова, но сейчас он еще раз перечитал отзывы о Сизове и неожиданно заявил:

— Останешься, Петр Иванович, при политотделе.

Сизов хотел было возразить, но подполковник остановил его жестом руки:

— Да, да, при политотделе. Поработаешь инструктором. У тебя богатый опыт партийно-политической работы. Пока ты лечился, в части прибыли молодые офицеры — политработники. Им нужен твой опыт. Скоро у нас тут начнутся большие события.

События начались уже через несколько дней. Дивизия, находившаяся на отдыхе, вышла из резерва и вступила в бой. Шли кровопролитные сражения за Крым на Перекопском перешейке.

В официальной сводке фронта за 12 апреля говорилось: «Сегодня в результате смелого ночного удара прорван сильно укрепленный оборонительный рубеж противника — Ишуньские позиции. В этих боях гвардейцы еще раз показали образцы отваги, мастерства и стремительности. На правом фланге наши подразделения прошли вброд по заливу Каркинитский. Поддержанные фронтальным ударом, гвардейцы прорвали два рубежа обороны противника с множеством дотов, дзотов и преодолели десять линий траншей. Противник не выдержал сокрушительного натиска и начал поспешно отходить».

Инструктор политотдела дивизии Сизов во время ночного наступления 12 апреля был на самом важном направлении — правом фланге. Перед началом боя он прочитал бойцам свежую сводку Совинформбюро, провел в первом батальоне партийное собрание, митинг на позициях артиллерийской батареи, а после того, как вспыхнула в небе красная ракета — сигнал к наступлению, вырвался вперед, обгоняя цепи гвардейцев.

«Во время форсирования Каркинитского залива Сизов первым выскочил на берег, воодушевляя бойцов... Батальон стремительно атаковал противника во фланг и таким образом обеспечил прорыв Ишуньских позиций и разгром врага на р. Чатырлык». Это из представления к награждению П. И. Сизова вторым орденом Красной Звезды, которое подписал начальник политотдела дивизии подполковник А. Ермоленко.

...Сизов все перебирал бумаги на походном столике. Начальник политотдела почувствовал: гложет что-то инструктора. Но молчал, выжидал. Пусть сам начнет нелегкий, по всей видимости, разговор.

Сизов наконец решился.

— Разрешите обратиться, товарищ подполковник!

Ермоленко, почувствовав официальный тон, еще больше насторожился.

— Прошу перевести меня в родной полк. Вот рапорт...

— Опять партгоргом?.. Но это могут решить только сами коммунисты полка... После отчетно-выборного собрания,— разъяснил начальник политотдела дивизии.

Сизов это знал.

Ермоленко не стал задерживать рапорт. Он понимал, что делается в душе Сизова. Такие, как Петр Иванович, хорошо чувствовали себя только в самой гуще важных событий.

Вскоре в политотдел пришло сообщение: коммунисты полка избрали Сизова партгоргом.

«Коммунисты, вперед!»

Много километров прошли гвардейцы по израненной советской земле. Сколько жарких боев пришлось им выдержать! В жестоких сражениях мужали воины. И чем ближе был светлый день Победы, тем яростнее сопротивлялись гитлеровцы. Осенью 1944 года коммунист старшина Попов вынес гвардейское Знамя полка на границу Германии. К этому времени на алом полотнище сверкали два боевых ордена. Парторг Сизов был уже капитаном. Немало убитых фашистов имел он на своем счету. Гвардейцы горячо любили партийного вожака. Любили за беспримерную храбрость, за умение каждому человеку сказать теплое слово, поддержать в трудную минуту.

Таким видели его бойцы и в ту памятную октябрьскую ночь.

Полк, продолжая наступление, занял важную высоту на подступах к Неману. Бойцы окопались, приготовились к новому бою.

Замаскировавшись в кустах, парторг полка долго не отрывал бинокль от глаз. Изучал подходы к реке, всматривался в очертания вражеского берега.

Невольно сравнил свой Днепр с Неманом, ставшим очередной водной преградой. Небольшая река. Но своенравная. Вон какая излучистая. Пенятся вдали каменистые перекаты. Разведчики уже доложили: на реке много грозных порогов — она неукротимо рвется через заболоченную равнину. После обложного дождя поднялась, распухла, вышла из берегов. «Да, нелегко будет Неман форсировать. Как избежать излишних жертв?» — думал парторг. Он вынул из планшетки потертую карту. Вот она — высота 54,8. Петр Иванович смотрел на точку, обведенную красным карандашом. Поискал ближние населенные пункты. Еле различимым, мелким шрифтом на карте напечатано: Кульменная, Видутайгай. Подумалось: наверное, небольшие совсем деревеньки, дворов по двадцать — тридцать; а ведь сколько бойцов до них даже не дойдет!

Закрыв планшетку, звонко щелкнув кнопкой. Надо идти в роты. Поговорить с бойцами. Жаркий бой. Фашисты обязательно попытаются сбить нас с этой высоты. Она, как кость в их горле.

Парторг Сизов шел извилистым ходом сообщения медленно, то и дело останавливаясь. С пожилыми солдатами курил злой табак, расспрашивал о доме, семье. У молодых интересовался, откуда родом, где учился, бывал ли в бою, успел ли письма написать.

Где-то на повороте он задержался, прислонился спиной к холодной стенке траншеи и привычно скрутил «козью ножку». Под табачный дымок лучше думается. А думал парторг полка о том, как укрепить ротные партийные организации. После каждого боя они сильно редели.

Десятки солдат писали заявления: «Ухожу в бой коммунистом». Уходили, дрались, как коммунисты, но многие гибли. Сизов пуще ока

берег пухлую общую тетрадь, в которую записывал всех, кто, оставив заявление, погиб, так и не успев получить кандидатскую карточку.

Сегодня ему вручили много заявлений... Парторг выбросил потухшую самокрутку и снова зашагал по ходу сообщения.

Над траншеями струятся сизые махорочные дымки. Иногда над головой прозвонит шальная пуля или прошелестит наугад пущенный фашистами снаряд. И снова тишина. В землянке парторга идет партийное собрание. Обстановка скромная, простая. Стол, скамейки, наспех сбитые из досок: несколько снарядных ящичков, топчан, покрытый плащ-палаткой, на столе гильза-коптилка с фитилем из шинельного сукна. Хотя наверху светло — день, здесь пришлось зажечь коптилку. Зыбкий свет неровно освещает строгие лица коммунистов.

Петр Иванович приглашает к столу солдата. Подходит юноша среднего роста, застенчивый, как девушка. Лицо доброе, открытое, широкое. Густые, почти сросшиеся брови. Пушистые темные ресницы и удивительно яркие черные глаза. На груди — медали «За отвагу» и «За боевые заслуги». Парторг внимательно взглянул на солдата — земляка из Хорезма. Ибрагим Сабиров — славный парень, разведчик.

Сабиров, волнуясь, рассказал о родном хивинском кышлаке, об отце, сражавшемся с басмачами, инвалиде гражданской войны, колхозном бригадире, о братьях Шеремете и Атахане, где-то воюющих на 1-м Белорусском фронте. Ответил на вопросы по Уставу партии.

— Кто за то, чтобы принять Ибрагима Сабирова в ряды ВКП(б)?

Поднялись руки. Дернулось, замигало пламя коптилки.

— Рахмат... спасибо... Не подведу.

Перед рассветом противник скрытно подошел к позициям полка и внезапно контратаковал. Высота ответила ураганом огня. Задымилась земля. Фашисты палили по высоте из орудий. На небольшом клочке земли все уже было перепахано, изрыто.

И все же высота 54,8 жила, огрызаясь яростным огнем.

А гитлеровцы все лезли и лезли. Вот уже грязно-зеленые шинели замелькали в траншее, опоясывающей высоту. Некоторые бойцы начали отходить по траншее в глубь обороны. Катастрофа казалась неизбежной.

Но в эту решающую минуту к самому опасному месту с призывом «Коммунисты, вперед!» бросился парторг. Он бежал по траншее с противотанковой гранатой в руке. И те, кто находился на его пути, кто видел гвардии капитана, устремились за ним. Завязался ожесточенный рукопашный бой. Гитлеровцы не выдержали натиска, дрогнули, попятились.

Наступление развивалось успешно. Батальон уже овладел первой траншеей. И вдруг попал под сильное огневое сопротивление. Одна, другая, третья рота залегли. Сизов заметил, как кто-то даже стал окапываться. Нельзя было медлить: опомнившийся, пришедший

после артобработки в себя враг станет еще опаснее. К тому же наши танки шли вперед, не останавливаясь.

И тогда Сизов встал во весь рост и, подняв высоко над головой пистолет, закричал во всю мощь:

— Гвардейцы, за Родину, вперед!

Роты снова двинулись в атаку. Мощное «ура» догнало его. По всему фронту наступления батальона дружно застрочили станковые пулеметы. Уже рукой подать до Немана.

И вдруг капитан заметил подозрительное движение у полуразвалившегося сарая. Вскинул бинокль. Так и есть — фашисты! Пятеро гитлеровцев спешили, суетились. Вот один из них полез на чердак, выполз на крышу. Ему что-то снизу подавали. Видно, тяжелое. Да это же пулемет!

Сизов мгновенно оценил: выгодную позицию выбрал враг. Через минуту-другую фашисты откроют смертельный огонь в спину наступающим гвардейцам... И их, как назло, никто из наших не видит. Нужно помешать, сорвать замысел. И сделать это должен, видно, только он, так как через считанные секунды будет открыт огонь. Раздумывать некогда. Действовать!

Парторг устремился к сараю. Уже до фашистов осталось пятьдесят метров... Пулемет пока молчит... Сорок... Гитлеровцы не видят опасности... Тридцать... Капитан мчится из последних сил. Цель уже близка! Двадцать... Заметили, сволочи! Надо бросать гранату! Еще шаг, еще... Сизов на бегу вырвал чеку и бросил гранату... Сверкающий сноп ослепил капитана.

Но взорвалась не только граната Сизова... Одновременно разорвалась и граната, брошенная гитлеровцами, лежавшими на крыше. В угасающем сознании промелькнула мысль: «Пулемет молчит».

Взрывы гранат в тылу сразу же привлекли внимание бойцов. Гвардейцы побежали к сараю. Они обнаружили бездыханное тело своего парторга. Ценой жизни он спас их.

— Вперед, к Неману!

24 марта 1945 года Указом Президиума Верховного Совета СССР гвардии капитану Сизову Петру Ивановичу за героизм и мужество, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

22 октября 1959 года, через пятнадцать лет после свершения гвардии капитаном Сизовым бессмертного подвига, приказом министра обороны СССР № 306 он был навечно зачислен в списки первой стрелковой роты своего легендарного гвардейского Краснознаменного, ордена Кутузова III степени мотострелкового полка.

В приказе министра отмечалось: «Его беззаветная преданность

социалистической Родине, верность военной присяге, мужество и героизм должны служить примером для всего личного состава Вооруженных Сил СССР».

А вот выдержка из приказа № 152 по Тулямюнкскому гидроузлу:

«Зачислить в состав бригады бетонщиков Героя Советского Союза Петра Ивановича Сизова».

Так вернулся Петр Иванович Сизов в Хорезм. Вернулся через десятилетия на землю, от которой уходил на смертный бой с фашизмом, на землю, которую мечтал преобразить, превратить в цветущий сад.

Из кофейно-желтой стала Амударья голубой впервые за свой бесконечно долгий век.

Тот, кто прежде бывал на этой «проклятой аллахом» земле, вспомнит лишь пустынное плато, покрытое скудной растительностью. А теперь любо посмотреть на сверкающие под солнцем, устремленные ввысь плотину, здание электростанции, на бескрайнюю гладь водохранилищ. А на берегу вырос белокаменный город Дружба. Символическое название. Город строили представители более чем тридцати национальностей страны. А в центре города установлен гранитный бюст Петра Ивановича Сизова.

Детство и юность героя прошли на Украине, трудился в Узбекистане, свой подвиг совершил на литовской земле. Вот почему каждая из этих республик считает Сизова своим сыном. Жизнь бессмертного парторга будет звать на подвиги сегодняшнее и будущие поколения вдохновенным призывом: «Коммунисты, вперед!»

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Катя	3
Сын трех республик	34

Виктор Владимирович МУРАТОВ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОДВИГА

Редактор М. М. Ж и г а л о в а.

Технический редактор Т. Я. К о в ы н ч е н к о в а.

Сдано в набор 10.10.85. Подписано к печати 05.12.85. А 00434.
Формат $70 \times 108^{1/32}$. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная
печать. Усл.печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 3,07. Усл. кр.-отт. 2,28. Тираж 85 000.
Изд. № 2976. Зак. № 1711. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени
В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

● Ежемесячно Вы обращаетесь в сберегательную кассу, чтобы уплатить за квартиру, электроэнергию, газ, телефон, за детский сад, ясли, обучение детей в музыкальных школах и т. д.

● Одним видом услуг, предоставляемых сберегательными кассами вкладчикам, являются БЕЗНАЛИЧНЫЕ РАСЧЕТЫ. Пользуясь ими, можно экономить свое время и, не посещая сберегательной кассы, производить указанные платежи.

● По Вашему поручению сберегательная касса будет перечислять с Вашего лицевого счета по вкладу до востребования в обусловленные Вами сроки платежи в пользу любой организации на протяжении квартала, года или впредь до отмены этого поручения.

● Сберегательной кассе можно дать поручение и на перечисление какого-либо платежа в разовом порядке. Такое поручение можно также переслать по почте.

● Бланки для оформления длительных и разовых поручений по безналичным расчетам вкладчик может получить в любой сберегательной кассе.

● Экономьте свое время! Пользуйтесь безналичными расчетами сберегательных касс!

**Российское республиканское
Главное управление Гострудсберкасс СССР**